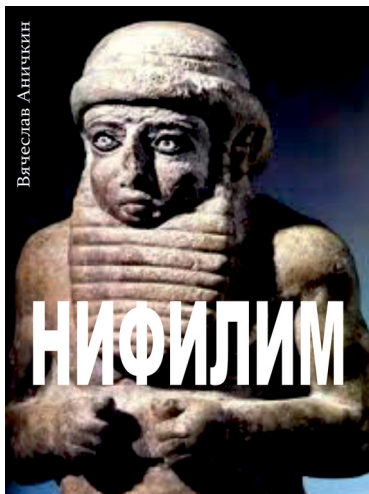

Вячеслав Аничкин
Нифилим
Серия «Ближние миры», книга 2

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3149105

Аннотация

История возникновения человечества, на самом деле, чрезвычайно туманна и строится на различных противоречиях. И кому верить – Дарвину или Библии? А может, где-то есть золотая середина?

Как ни странно, но древние шумеры знали намного больше нас. Иначе, зачем им нужно было строить в пустыне огромные мегалитические постройки в виде гладко отшлифованных плит и рисовать на них координаты для посадочных модулей космических кораблей! Не верится? Откройте любую энциклопедию. Там это все есть. А лучше, сходите в музей.

Главный герой книги, молодой человек из Чикаго XX века, чрезвычайно заинтересован древними рукописями на шумерском наречии и не менее удивительными вещественными доказательствами о частых визитах пришельцев, дошедшими до нашего времени.

Одно дело – интересоваться, а другое – стать невольным заложником своего интереса и узнать нечто такое, что полностью меняет твое мировоззрение и заставляет относиться к себе и к людям совершенно по-другому.

Книга является продолжением книги «Черный Оракул» из серии «Ближние миры».

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	31
Глава 6	40
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Вячеслав Аничкин

Нифилим

Часть 1

Глава 1

Каждый день в лавку приходили люди и с моей помощью избавлялись от разного хлама. Вчера, например, принесли столетнюю картину, закрывавшую, до этого, дыру в стене. Частенько попадались потускневшие статуэтки в виде балерин, поголовно, с отбитыми руками. Случались большущие старомодные люстры, прибитые пылью настолько, что никогда не угадаешь, какого они цвета. Иногда попадались музыкальные инструменты, барабан, например, который стоит теперь под прилавком и служит полкой для сменной обуви. Временами приносили и интересные вещицы, но большей частью, это была какая-нибудь коллекция монет или недобитый сервиз для чаепития. Моими клиентами были люди разного достатка. Был даже один чиновник из муниципалитета, который собирал табачные трубки и все время, когда испытывал приглянувшуюся ему трубку, дымил так, что на меня нападал приступ кашля. Частенько приходили соседки-домохозяйки и по целому часу мучили меня вопросами о происхождении тех или иных настенных часов, которых у меня было с десяток. И, как водится, приходили они целой группой и устраивали такой шум, от которого тряслись стекла. Одна говорила, что эти часы с боем непременно эпохи гражданской войны, а другая переубеждала ее в том, что они провисели в Букингемском Дворце не менее двухсот лет, и что их лично заводил кто-нибудь из королевской семьи. Обычно, я не вступал в такие споры, так как считал это делом безнадежным. Я-то твердо знал, откуда попала ко мне та или иная вещь. Подавляющее число моего нехитрого товара никогда не пересекало границ Чикаго, за исключением дюжины-другой истинно ценных экземпляров. Действительно, временами в моих руках оказывалось нечто любопытное, что могло по-настоящему заинтересовать ценителя старины. Но в этих случаях, я сам находил нужного мне клиента и предлагал ему сделку. Я не был большим знатоком в сфере искусства, но каким-то образом мне удавалось отделять от общей массы всякого старья интересные предметы. В целом, у меня это неплохо получалось. Алия, моя жена, помогала мне во всем, что касалось порядка в магазине и поддержания моего товара в надлежащем виде. Она, еще с трудом, осваивалась в нашем мире, и многое мне приходилось ей объяснять. По-прежнему, она считала радио каким-то видом колдовства и не могла понять как человек, находящийся от нее на расстоянии нескольких кварталов, может говорить с ней так, как будто он находится близко. Я ежедневно вводил ее в особенности нашей жизни, но годы, проведенные в Мириаэльде, за такой короткий срок забыть было трудно. Иногда она сильно скучала по своему отцу и в такие минуты сидела где-нибудь в тихом уголке, глядя в стену задумчивым взглядом. Было видно, что нелегко ей приходилось привыкать к новой жизни. Здесь все для нее было чужим и непонятным. Но вернуться обратно она уже не могла. Рисунок в подвале больше не хотел оживать. Верховный Олень так и застыл в своей величественной позе, призывающей попасть в Дирланд и оценить красоту этого прекрасного мира. Я и сам был бы не прочь еще разок увидеть всю прелесть этой страны, но, по всей видимости, животные навсегда закрылись от людей и больше не хотели подвергать себя смертельной опасности. И понять их было нетрудно. Всего несколько человек смогли привести этот мир к войне и поставить под угрозу само существование Оленьей страны. Жадность Повелителя Крыс и ужасная сила Черного Оракула чуть не погубили все

живое в Дирланде, и лишь невероятными усилиями и отвагой мне и моим друзьям удалось предотвратить непоправимое. Сейчас я редко виделся с отцом. Он переехал в другой конец города и устроился сторожем в какой-то офис. Стена я видел чаще, но он, как всегда, внезапно появлялся и так же стремительно исчезал. С момента нашего возвращения из Оленьей страны, он стал постоянно куда-то уезжать, пропадал часами в разных музеях, сидел по три дня в библиотеке, посещал всякие лекции по археологии и путешествиям, короче говоря, полностью изменил образ своей жизни. Невероятные события, в которых нам пришлось принять участие, навсегда оставили в нем свой след. Стен теперь порывался куда-то отправиться, что-то найти, кому-то в чем-то помочь, но я не особо поддерживал его в этих авантюрных начинаниях. Увиденного в Дирланде, мне хватало на десять жизней. Я хотел только одного – спокойной и счастливой жизни вместе с Алией. Мы еще не успели до конца узнать друг друга. Наша разница в происхождении постоянно о себе напоминала. Иногда она не понимала меня, а иногда и мне приходилось задумываться над ее поступками. Но в этом и была вся прелесть совместной жизни. Нам было хорошо вместе, и мы радовались наступлению каждого нового дня. Магазины приносили нам небольшой, но постоянный доход. Мы особо ни в чем не нуждались и не строили серьезных планов на будущее. Может быть, когда-нибудь у нас появятся дети, но сейчас мы об этом не думали.

Но что же все-таки изменилось? Наверное, то, что я стал другим. Нет, я не изменил способ своей жизни, но внутри меня уже был не тот Майк Робески, которого можно было увидеть год назад. Несколько раз я ловил себя на мысли, что мне тесно в уютном тихом магазинчике, и что мне хочется на время вырваться из объятий спокойной жизни и вновь почувствовать запах свободы и вкус свежего ветра. Узнав один раз притягательную силу странствий и борьбы, я не смог навсегда забыть своих злоключений и побед, и теперь все чаще возвращался к воспоминаниям о времени своего пребывания в Оленьей стране. Мне кажется, что и отец со Стеном уже не смогут полностью забыть тех славных времен в Дирланде. Как бы они не пытались – теперь это навсегда будет в их памяти, хотя бы они этого или нет.

Вот и сейчас, когда в мои руки попала загадочная книга, которая так взволновала Свенсена, я ощутил знакомое мне чувство и осознал, что эта находка как-то повлияет на мою дальнейшую жизнь. Хотя, я уже получил за книгу двадцать долларов, и теперь она принадлежала другому человеку, меня не покидало ощущение, что это еще не конец. Мне неоднократно приходилось продавать разные книги, но только сейчас мне показалось, что я поспешил с продажей. Но что же меня насторожило? Я и сам не мог дать себе внятного ответа. Возможно, это была удивительная реакция пьяницы-полиглота, который при виде книги забыл о выпивке и странно себя повел? Или это была простая интуиция человека, который понял, что продешевил? В первую очередь меня интересовал старик, который принес книгу. Почему он пришел ко мне, если ему все равно получит он деньги или нет? Это можно было объяснить тем, что старик просто по доброте души сделал такой поступок и отдал мне ненужную вещь. Скорее всего, так и есть. Это было похоже на подарок. Но неужели этот чудак может думать, что меня обрадует книга, которую невозможно прочитать? Я даже не знаю о чем она. В ней нет ни одной иллюстрации. Старик не создавал впечатления выжившего из ума добряка. Мне он показался вполне нормальным человеком. Знал ли он, что его книга может произвести на кого-нибудь такое впечатление, какое произвела на Свенсена? Если знал, то вряд ли расстался бы с ней. Сейчас мне абсолютно не хотелось вернуть ее себе. Меня распирало любопытство, и я не мог с собой ничего поделаться. Как ни пытался я думать о чем-нибудь другом, но все равно мысленно возвращался к этой книге. Ну что плохого в том, чтобы завтра утром, когда Свенсен проспит, еще раз к нему заглянуть и попытаться что-нибудь разузнать? Если еще прихватить с собой бутылку чего-нибудь прочищающего мозги, то если повезет, этот знаток языков раскроет тайну своего приобретения.

Размышляя, таким образом, я не заметил, как дошел до своего магазинчика. Алия уже была внутри и сейчас была занята уборкой. Я поцеловал ее в щеку и прошел в подсобку. Старая книга прочно засела у меня в голове, и я решил срочно об этом с кем-нибудь поговорить. Алия умела внимательно слушать, но вот в роли собеседника явно была не сильна. Стен носился по городу, и найти его было практически нереально, а отец мог быть дома. Я взял трубку и набрал его номер.

– Алло, – слышался знакомый голос отца. – Майк, это ты?

Я давно уже не удивлялся его способности определять, кто звонит, поэтому привычно ответил:

– Да, это я. У меня к тебе есть вопрос.

– Ну, спрашивай.

– Слушай, отец, как у тебя обстоят дела с иностранными языками?

Отец, показалось, немного задумался.

– Я как старый солдат, понимаю все, что мне говорят, но если при этом помогают себе руками и корчат разные гримасы.

– Я серьезно. Мне сегодня принесли одну любопытную книгу, но я даже не смог понять, о чем она.

– И что из того? Если тебе так интересно, пойди в библиотеку или куда-нибудь еще и там тебе все разъяснят.

– В том-то и дело, что я ее уже продал.

Отец, видимо, не был настроен на долгий разговор и перебил меня:

– Майки, если тебе скучно и не о чем поговорить, то давай отложим это на завтра, а сейчас мне пора идти на службу. Я знаю, что стояние в магазине не самое веселое занятие, но попытайся все-таки найти себе там работу. Пока, до встречи.

Я повесил трубку и развалился на диване. До конца рабочего дня оставалось еще два часа, а я уже не мог дольше сидеть в магазине. Посетителей, по-прежнему, не было и я решил как-нибудь убить оставшееся до вечера время. Куда бы пойти? Алия предпочла остаться в магазине и закончить какие-то свои дела, а я без всякого определенного плана вышел на улицу и побрел вниз по улице в сторону центра. Был теплый летний день, и прогулка в это время была лучше, чем сидение в душном помещении. Мимо меня медленно проезжали автомобили, проходили люди, в большинстве своем офисные работники или туристы, над головой кружили голуби, а на площади журчал большой фонтан, в прохладе которого шумели дети. Я остановился у киоска и купил себе мороженое. В который раз я совершал такой маршрут? Сколько себя помню, я приходил на эту площадь и покупал себе что-нибудь вкусное. Здесь, вместе со Стеном, мы любили обрызгивать прохожих водой из фонтана, а затем по вечерам собирали монеты со дна. Или катались на велосипедах по кругу, вызывая раздражение у старого полицейского, который, наверное, уже сто лет стоял на этом месте и спал, по нашему мнению, с открытыми глазами. Здесь я всегда чувствовал себя спокойно и мог надолго забыть о навалившихся проблемах и заботах. Вот и знакомая мне с детства скамейка, на которой давным – давно я вырезал свое имя. Чуть в стороне стоит газетный ларек, в котором привычно сидит дядя Джо и обмахивается веером из страниц неразгаданного кроссворда, хотя это не спасает его от обильного потения. Я любил все это. Это было частичкой моих лучших и самых беззаботных дней. Я не мог отделить себя от этой площади, от этой ребятни и даже от ворчливого полисмена, который, конечно же не мог узнать во мне хулиганистого мальчугана, который частенько заставлял его делать короткую пробежку вокруг фонтана. Сегодня у меня не получалось, как обычно, погрузиться в воспоминания юности и я, доев эскимо, побрел дальше по городу, временами заглядывая сквозь стекла витрин многочисленных торговых лавок. Наверное, люди еще не придумали более эффективного способа, чтобы убить время, чем изучение ассортимента магазинов. Причем, не всех

людей интересует то, что находится по ту сторону стекла. Многие получают удовольствие от своего собственного отражения в витрине, а некоторые наслаждаются тем, что могут видеть, происходящее у них за спиной.

Пройдя несколько кварталов, я вышел к Городскому музею. На его фасаде висел громадный плакат, который гласил, что именно сегодня заканчивается выставка древностей стран Ближнего Востока. Мои познания в этой области ограничивались несколькими фактами из школьной программы, а так как все равно времени у меня было навалом, я решил избавить себя от бесцельной ходьбы и посетить выставку.

Особого ажиотажа здесь я не увидел. По полупустым залам бродило несколько человек, в основном студенты и их преподаватели. Сквозь стекла шкафов я смотрел на различные глиняные таблички, битые кувшины и медные заколки, бусы из потускневших разноцветных шариков, ветхое дырявое седло и даже причудливой формы головной убор, неясно каким образом крепящийся к голове. Все это не произвело на меня никакого впечатления. Я уже хотел было уходить, как вдруг обратил внимание на небольшую группу людей, собравшихся в углу одного из залов. Вокруг маленького сухого старичка с тростью в трясущейся руке и в больших очках на носу, стояло четверо мужчин помоложе, и с увлечением его слушали. В одном из них я сразу узнал Стена. Он стоял в причудливой позе, поддерживая правой ладонью, локоть своей левой руки и держал в ней блокнот с ручкой. Я давно уже привык к его тяге ко всякой древней старине, но сейчас невольно улыбнулся при виде его ученой позы. После нашей истории с Дирландом, Стена как подменили. Он завязал со своей прежней разгульной жизнью, и теперь его можно было считать заядлым охотником за всевозможными тайнами и секретами. Еще год назад он, наверное, очень удивился бы, если бы ему сказали, что в Чикаго есть хотя бы один музей или библиотека. Ему и в страшном сне не приснилось бы, что он может вот так запросто отдать полтора доллара за билет на лекцию по истории Древнего Мира или географии Латинской Америки. Но сейчас он тратил все свое свободное время именно на это, и я был только рад за него.

Тихонько подойдя поближе, я коснулся рукой плеча Стена. Он вздрогнул от неожиданности, но узнав меня, прижал указательный палец к губам и посоветовал мне сохранять молчание. Я кивнул головой и посмотрел на то, что обсуждали присутствующие. Отдельным экспонатом выставки значилась страница из книги. Примерно треть ее отсутствовала, но как только я увидел текст, меня как током ударило. Он был похож на то, что было написано в проданной мною книге. Те же похожие символы и непонятные значки. Я не показал своего волнения, но теперь мне было интересно, о чем идет речь. Скрипящим голосом старичок говорил о какой-то стране, а другие внимательно его слушали.

– ...и вот шумеры создали самую могущественную цивилизацию своего времени. История как наука, не может дать точного ответа, что же послужило причиной для расцвета Шумерского царства. Столь резкий прорыв в жизни людей невозможен без долгого и последовательного изучения природы вещей. Нам же, в свою очередь, неизвестно доподлинно происхождение шумер, а также тайна их огромных, по тому времени, познаний. И благодаря тому, что...

– Позвольте, профессор, перебить вас, – вступил в разговор Стен. – Как вы объясните появление письменности у шумеров и их культуру?

Старик прокашлялся в кулачок и продолжил:

– Действительно, нам ничего не известно о том, была ли вообще письменность до шумер. Но всем нам понятно, что она не могла появиться из ниоткуда. Как ни странно, мы сумели разгадать язык Древнего Египта, но мало что понимаем в языке шумеров. Из этого можно сделать вывод, что мы ничего не знаем о дошумерском периоде и...

– Но, профессор, как вы объясните присутствие в экспозиции выставки этой страницы? – не унимался Стен.

– Здесь все намного проще, чем кажется, – с удовольствием продолжил старичок. – Эту страницу подарил нам Джейкоб Лири, почетный гражданин нашего города, покойный к сожалению. Многие годы своей жизни он посвятил изучению Истории Древнего Востока, даже пересек пешком Индию. Однажды он завещал нам коллекцию своих находок и мы, конечно, не думая согласились. Еще бы! Такой щедрый жест! Но он выдвинул нам одно условие, гласящее, что все экспонаты коллекции должны выставляться обязательно вместе. Вот так эта страничка и нашла свое место. Откуда она вырвана и что в ней написано, никто не знает. Хотя у меня, как у работника музея, не вызывает никаких сомнений ценность этого экспоната. Без всякого хвастовства скажу вам, что это, скорее всего, фрагмент какого-нибудь древнего шумерского эпоса, и я много отдал бы тому, кто сможет перевести текст.

– Скажите, профессор, а есть ли такие люди, кто может это сделать? – вновь спросил Стен.

– Я слышал, есть несколько человек, которым под силу эта задача, но я с ними лично не знаком.

Меня все больше интересовало услышанное, и я не удержался от вопроса:

– Извините, а можно ли оценить в разумных пределах, конечно, примерную стоимость такого текста?

Наверное, я сделал что-то не то, потому что все посмотрели на меня как на сумасшедшего. У старичка даже перестала трястись рука. Его несуразно большие очки чуть не съехали с носа, а трость с шумом стукнулась об пол. Наконец, он обрел дар речи и растерянно прошептал:

– Но... молодой человек, я принимаю ваш вопрос за наивный, так как вижу, что вы случайно стали свидетелями нашей дискуссии... Вы сейчас спросили о том, на что есть только один ответ. Если бы вы спросили о стоимости пирамиды Хеопса или о цене на Мону Лизу, я вам ответил бы то же самое. Все это бесценно. Это нельзя оценить в деньгах. Это... это же...

Мне почему-то захотелось найти какое-нибудь оправдание своему незнанию, и я задал еще более глупый вопрос, чем предыдущий:

– Извините, пожалуйста, за нелепый вопрос. Но если бы здесь была не страница, а целая книга, то, что это могло бы означать?

Старик посмотрел на меня как на провинившегося ученика и милостиво ответил:

– Дорогой мой, если бы у нас был полный текст, это стало бы самой крупной сенсацией в жизни человечества. Это была бы самая древняя книга! Да что там книга! Мы открыли бы множество тайн о своем происхождении, мы заглянули бы в такие далекие времена, о которых и мечтать не могли. Возможно, мы узнали бы такое о себе, что полностью изменит наше мировоззрение. Но боюсь, что это невозможно. Это было бы слишком большим счастьем для нас. Книги, к сожалению, столько не живут.

– Но как же объяснить сохранность этой страницы?

– В этом, действительно, кроется загадка. Мало того, мы до сих пор не определили материал, на котором нанесен текст. Но еще раз подчеркну то, что очень мало знатоков существует в этой области и еще меньше тех, кто возьмется за расшифровку этого текста.

Глава 2

Я был морально убит. В моих руках было, возможно, самое ценное наследие предков, вещь, которая могла прославить меня на весь мир. Свенсен ни с того, ни с сего стал обладателем самой древней книги в истории человечества!

Дальше слушать ученые беседы я не мог. Отойдя в сторону, я присел на подоконник и задумался. Что если сейчас же рассказать всем присутствующим о книге? А что это мне даст? Ничего. На меня еще раз посмотрят как на идиота и все. Я уже имел неосторожность проявить неосведомленность в истории Азии и теперь, что бы я не сказал, мне не поверят. А вот Стен может и выслушать. Тем временем компания, слушавшая старика, стало понемногу разбредаться по сторонам. На месте оставался только Стен. Я еще раз подошел к нему и услышал обрывок фразы из его беседы со стариком.

– ...хотя удивляет то, что шумеры пользовались клинописью на глиняных табличках. Книга – намного более позднее изобретение человека. Технических возможностей для книгоиздания в то время просто быть не могло. Хотя, если взяться за изучение шумерских текстов...

– Но, профессор, вы ведь сами говорили, что этот язык нам неизвестен, – перебил его Стен.

Старик загадочно улыбнулся и ответил:

– Я сказал, что нам малоизвестен этот язык. Но это не значит, что мы ничего не знаем. На самом деле сейчас даже существуют словари шумерского языка, но большинство их понятий мы до сих пор не можем объяснить. Если верить их писаниям, мы с вами были созданы в результате генной инженерии триста тысяч лет назад.

Я не верил своим ушам. Меня сильно заинтересовали эти слова, и я снова набрался мужества и спросил:

– Извините, я правильно понял? Нас что вывели из пробирки?

Старик важно оперся на свою трость и сказал:

– Более того. Шумеры говорят нам о том, что люди созданы для того, чтобы добывать золото для аннунаков, наших создателей.

– Позвольте, но это похоже на красивую легенду! – воскликнул я.

– Это, конечно, похоже на легенду, но как вы объясните мне, молодой человек, глубокие познания шумеров в химии, высшей математике и астрофизике? Как вы объясните мне, что процесс оплодотворения в пробирках расписан в подробностях на простых глиняных табличках, а один француз сто лет назад нашел шумерские каменные печати, на которых изображен экипаж космического корабля, который включает аппаратуру посадочной системы и запускает тормозные двигатели, ведя корабль над горами к месту посадки? Эти таблички являются ни чем иным как руководством по космическим полетам с приложением подробной карты-схемы. Все сведения сопровождаются большим количеством чисел, содержащих, вероятно, сведения о высоте и скорости полета, которые следует соблюдать. Согласно таким клинописным табличкам, пришельцы с другой планеты использовали для полетов над Землей воздушный коридор, находящийся над бассейнами рек Тигр и Евфрат. В шумерском сказании о Гильгамеше упоминается город Баальбек, который сейчас находится на территории Ливана. Этот город известен развалинами гигантских сооружений из обработанных и подогнанных с высокой точностью каменных блоков весом более ста тонн. Кому были нужны такие мегалитические постройки? Ответ для шумеров был очевиден. В сказании говорится, что в городе жили те, кто повелевал. А жили там аннунаки и охраняли их разящие насмерть лучи.

Старик торжественно замолчал, а я не знал что сказать. Но тут Стен вдруг решил напомнить о себе:

– Профессор, но ведь налицо нестыковка. Глиняные таблички и страница из книги с шумерским текстом. Как-то это все не вяжется. Как это можно понять?

– Здесь можно найти довольно простое объяснение. Страница, которую мы с вами сейчас видим, является, скорее всего, намного более поздним свидетельством культуры шумеров. Кто-то сумел записать нечто на этом клочке материала не так давно, как может показаться. Я не утверждаю, что это было вчера, но это могло произойти уже во вполне обозримом периоде времени. Скажем, несколько столетий назад.

У меня появлялся вопрос за вопросом.

– Но как понять то, что вы только что, профессор, сказали? Вы рассказали нам довольно много интересного о шумерах, и из этого следует, что их тексты расшифрованы. И тут же вы говорите, что никто до сих пор не смог перевести написанное в странице.

Старик задумчиво посмотрел на меня и ответил:

– В том-то и весь вопрос. Мы неоднократно приглашали в свой музей специалистов по шумерской цивилизации, и все они довольно быстро могли расшифровать любой текст на других экспонатах, но эта задача оказалась им не под силу. Это стопроцентная шумерская клинопись, но в то же время разгадать ее не удастся. В конце концов, мы бросили эту затею до лучших времен. Хотя однажды кое-что произошло в связи с этой страницей.

– И что же?

– Пару лет назад один посетитель увидел этот экспонат и повел себя, мягко говоря, странно. Он уселся на полу и как замороженный начал рассматривать страницу сквозь стекло. Затем он начал ходить вокруг шкафа и что-то бормотать себе под нос. Нашу охрану это насторожило, и они попытались его успокоить. Тогда он начал вопить о том, что мы не имеем права удерживать его и потребовал дать ему возможность подержать эту страницу в руках. Мы, конечно, были вынуждены выпроводить его из музея. С тех пор он уже несколько раз пытался пройти сюда, но мы его не пустили. Чудной тип. Одет был так прилично. Но как увидел страницу, так стал вести себя как сумасшедший. Впрочем, за многие годы работы здесь, я повидал много таких ненормальных.

Я на секунду задумался и задал следующий вопрос:

– И все же, профессор, что могло так взволновать этого посетителя?

Старик снял с носа очки и, протирая одно из стекол платком, ответил:

– Все, что угодно. Если посмотреть вокруг, то можно увидеть массу ценнейших экспонатов. Вот, например, прекрасно сохранившийся шлем...

Нам со Стеном стало понятно, что старика заносит в сторону, и он начинает терять нить беседы. Я сомневался, что он может рассказать еще что-нибудь новое и мы, откланявшись, покинули зал. Честно говоря, я не пожалел, что убил время таким образом. Оказывается, в Чикаго есть много интересных мест, где я никогда не был. Тем более, что в одном из них я случайно встретил друга.

– Эй, Стен, – шутливо сказал я ему, выходя на улицу. – А что ты делаешь в Городском музее в столь раннее время?

Стен улыбнулся и ответил:

– Ты же знаешь, что теперь я хочу побывать во всех приличных местах Чикаго. А если серьезно, то ты и сам все слышал. Меня интересует шумерская цивилизация.

– А почему не пятна на Солнце? – не унимался я. – Солнце тоже довольно старое.

– Майк, ты представить себе не можешь, насколько удивительно то, что мы с тобой услышали.

– И что тут удивительного? Да, старик очень интересно рассказывал о пришельцах с другой планеты и о том, что мы с тобой вылезли из пробирки. Я и сам на какое-то время увлекся темой беседы, но все же мне кажется, что ты здесь не только из простого интереса.

– Ты прав, – Стен понизил голос и посмотрел по сторонам. – Я хочу разгадать этот текст.

Я удивленно на него посмотрел и, не поддерживая его конспиративного тона, спросил:

– Но, зачем?

– Сам не знаю. Но с тех пор, как мы вернулись с тобой из Дирланда, я хочу сделать что-нибудь грандиозное. Представь себе, Майки, в нашем городе находится тайна, которую еще никто не разгадал! И это могу сделать я! Ведь здорово, правда?

Я не был против такого порыва, но мало верил в успешность этого мероприятия.

– Стен, ты давно упражнялся в шумерском языке? Ты ведь раньше неплохо его знал, не так ли?

– Вот опять ты смеешься. А я, между прочим, уже во многом разбираюсь. Даже прочитал несколько книг по истории древней Азии.

– Отлично. И с чего же начнем? Может, слетаем на пару дней в Ирак? Там сейчас очень тепло.

Стен, казалось, немного обиделся.

– Зачем в Ирак? Можно засесть в библиотеке и попытаться разгадать эту тайну здесь.

Я скептически пожал плечами и ничего не сказал. Знал бы сейчас Стен, как близко находились теперь наши с ним мысли. С самого утра злополучная книга не дает мне покоя и Стен вдруг надумал заняться расшифровкой старых каракулей из музея. Это было совпадением или судьбой? Ну не может так быть, чтобы мы в одно время и независимо друг от друга стали возиться с какой-то писаниной. Или теперь мы уже мыслим одинаково? Нет. Я тут ни при чем. До сегодняшнего дня я и знать не знал о шумерах. Это тот дед принес мне книгу на продажу. В отличие от Стена, меня преследовали меркантильные соображения. Я не был жадиной, просто мое самолюбие было уязвлено тем, что я упустил, возможно, единственную возможность решить свои финансовые проблемы. Книга стоила явно больше двадцатки. Ну что же... значит, не сложилось. Может, хоть Стен добьется своего...

– Слушай, Стен. Я сейчас расскажу тебе нечто, что может тебе помочь.

– Ты, правда, поддерживаешь меня?

– Ну конечно. Так вот, слушай. Сегодня утром один человек принес мне книгу на иностранном языке. Я ничего не смог прочитать, так как она, как мне кажется, была на шумерском языке.

Стен резко остановился посреди тротуара, и я чуть не споткнулся об его ногу.

– Что?! Ты видел шумерскую книгу?! Это правда? – по его взволнованному голосу я понял, что попал в точку.

– Да, я ее видел. И держал в руках. Такая симпатичная обложка и застежка серебристая...

Стен схватил меня за руку и почти прокричал мне в лицо:

– Быстрее пошли... где она?.. Ты ее никому не показывал?

Я действительно был озадачен поведением друга но, освободившись из его объятий, спокойно ответил:

– В том-то и дело, дружище, что ее уже нет.

Стен замер как вкопанный и медленно протянул:

– Ты шутишь надо мной? Никакой книги не было, ведь так?

Мне жаль было дальше его разочаровывать, но лучше было сказать всю правду.

– Была, Стен, была. Но быстро нашелся покупатель и я ее продал.

Бедняга поднял на меня непонимающие глаза и серьезно спросил:

– Но почему ты не показал ее мне, Майк? Почему?

Несмотря на комичность всей ситуации, теперь-то я уж точно убедился в поспешности своего поступка.

– Стен, откуда мне было знать, что ты так расстроишься? Я ведь и не догадывался, что ты увлекаешься этим. Для меня это была обыкновенная старая книга.

Но Стен, казалось, меня не слышал. Он стоял и смотрел себе под ноги, ничего больше не говоря. Внезапно, он очнулся и с горящими глазами выпалил:

– Давай найдем твоего покупателя, и я предложу ему двойную цену. А что, если эта книга очень ценная?!

Я отрицательно покачал головой и сказал:

– Нет, сегодня мы никуда не пойдем. А вот завтра утром можем навестить этого господина, если он, конечно, нас впустит.

Но Стен не унимался:

– А вдруг он уедет из города? Что тогда? Ты его знаешь?

«Слишком много вопросов», – подумал я, но все же ответил:

– К твоему счастью, Стен, это мой постоянный клиент. Он покупает иногда кое-какие книги и живет недалеко от моего магазина. Никуда он от нас не денется. А вот насчет того, продаст ли он тебе эту книгу, не уверен.

– Почему, Майк?

– Уж больно жадно он на нее набросился и еще попросил меня никому об этом не говорить. А я, как видишь, уже проговорился.

Я ободряюще улыбнулся Стену, но он стал еще мрачнее:

– С недавнего времени я стал собирать разные старинные штуки, и эта книга теперь нужна мне позарез. У меня уже есть разные статуэтки, гребешки, фигурки, а вот такого еще не было. Представляешь, Майки, у меня есть древняя книга! Это была бы самая лучшая вещь в моей коллекции...

Дружески положив ему ладонь на плечо, я примирительно сказал:

– Не переживай, Стен. Далась тебе эта книга? Может тебе повезет и тебе попадетсЯ другая. Тем более, что профессор сказал, что ее не шумеры написали, а кто-то другой намного позже.

– Эх, Майк, – горестно вздохнул он. – Такая книга не может существовать в нескольких экземплярах. Я должен, во что бы то ни стало, хотя бы увидеть ее. Понимаешь, такого даже в музее нет. Стоп...

Тут Стен медленно поднял на меня глаза и тихо спросил:

– Майк... Майк, а вдруг эта страница из той книги?!

Наконец то... Теперь и Стен осознал всю глупость моего поступка. Я уже был не рад, что рассказал ему о книге.

– Майк, мы обязательно должны сейчас же разыскать этого... твоего клиента. Если он догадается об уникальности того, что купил, мне тогда уже ничего не светит. Подумать только, скоро в моих руках может оказаться нечто действительно ценное. Показывай дорогу, Майк.

Это уже зазвучало как приказ и я, пожав плечами, пошел впереди. В конце концов, нет никакой разницы, когда прийти с бутылкой виски к выпивохе. Где гарантия, что завтра утром Свенсен вообще сможет встать с постели? По крайней мере, еще несколько часов назад он был на ногах.

Когда мы пришли, нам долго никто не открывал дверь. В доме было пять этажей, и он состоял из множества крохотных комнатусек, которые арендовали люди с низким доходом. В основном здесь жили студенты выбравшие это место из-за близости к различным колледжам, одинокие старики, не заработавшие за всю свою жизнь на обеспеченную старость,

инвалиды или ветераны войны, получающие жалкое пособие от государства, начинающие ученые, экономящие на себе ради науки и сумасбродные холостяки вроде Свенсена, которые все свое свободное время проводили в квартире, превращая ее в рассадник для тараканов и прочей ползучей нечисти, забывая неделями выносить мусор. В прошлый раз я обратил внимание на беспорядок, царивший в комнатухе Свенсена. Меня поразило то, что человек, который увлекается языкознанием и может при желании стать хорошо оплачиваемым переводчиком, ютится в такой неприглядной квартирке с видом на серую стену соседнего дома. Наконец, щелкнул дверной замок, и показалось небритое лицо Свенсена. Он подозрительно глянул на нас и выглянул в коридор.

– Майк, кто это с тобой?

Как ни странно, но он выглядел абсолютно трезвым. Замусоленная пижама сменилась на тертые джинсы и синюю рубашу с карманами.

– Мистер Свенсен, это Стенли Райс, мой друг. Извините за внезапное вторжение, но у нас к вам есть небольшой разговор.

Свенсен нахмурился и, оставляя дверь немного приоткрытой, спросил:

– Какой разговор?

– Мне очень неудобно, но мы с моим другом хотели бы еще разок взглянуть на ту старую книгу, которую вы у меня сегодня купили.

Я мог ожидать чего угодно, но не такого. После моих слов Свенсен резко дернулся и захлопнул перед моим носом дверь. Раньше этот человек казался мне вполне воспитанным, несмотря на его пристрастие к выпивке. Теперь я и не знал, что думать. Ничего не оставалось, как уйти восвояси, и мы уже было решили это сделать, как вдруг дверь снова открылась, и Свенсен рукой поманил нас к себе. Мы вошли в комнату и осмотрелись. Создавалось впечатление, что хозяин этого жилища собирается срочно съезжать. В углу стояло два больших чемодана, раздувшихся от засунутых в них на скорую руку вещей и валялся наспех связанный узел из постельных принадлежностей. Повсюду валялись пустые пачки из под сигарет, бутылки из под виски и другой мусор. У дверей были свалены в кучу десятка два разных книг и толстая стопка старых журналов. Свенсен поймал мой взгляд и задумчиво сказал:

– Не нашлось куда положить. У вас нет, случайно, какой-нибудь веревки?

Я отрицательно покачал головой. Тогда Свенсен сел в кресло и устало промолвил:

– Никогда не думал, что у меня столько вещей. Мне казалось, все должно было влезть в один чемодан, а оказалось здесь нужен целый набор чемоданов. Я решил все ненужное оставить. Как вы думаете, может мне и подушку не брать?

Я пожал плечами. Какое мне было дело до его пожитков, но, чтобы как-то продолжить разговор, заметил:

– Это, смотря, куда вы собрались переезжать. Если в отель, то подушка точно не нужна.

Свенсен невесело ухмыльнулся и сказал:

– Если бы я знал, куда еду. Сначала, наверное, на вокзал, а затем к родителям в пригород. Там намного спокойней, чем здесь. Впрочем, мне все равно куда ехать. Я вижу, Майк, ты и твой друг – хорошие парни, поэтому я вам сейчас кое-что расскажу. Не знаю, что будет дальше, но такое в себе трудно держать...

Тут Свенсен осекся и, прищурив глаза, тихо спросил:

– Почему вы интересуетесь книгой?

Я уже хотел было что-то ответить, но Стен перебил меня:

– Майк здесь ни при чем. Это я уговорил его прийти к вам. Понимаете, я уже долгое время увлекаюсь шумерами, и эта книга могла бы занять достойное место в моей коллекции. Вы, как ученый человек, должны меня понимать. Если вы согласитесь, то я сейчас же готов предложить вам за нее две сотни.

Свенсен встал и нервно прошелся по комнате.

– Молодой человек, эта книга не продается. Не потому, что мне не нужны деньги. Мне они очень нужны. Просто вы даже не представляете себе, о чем говорите. Если у вас есть время, я вам кое-что расскажу.

Я посмотрел на Стена и, увидев его согласие, сказал:

– Мистер Свенсен, никоим образом мы не хотели вас утруждать, но если вы немного утолите наше любопытство, мы будем вам очень благодарны.

– Вы ни капли меня не утруждаете. Мне и вправду нужно хоть с кем-то поделиться своими мыслями. Итак, присаживайтесь поудобней и слушайте.

Выбрав место на прожженном пеплом от сигарет диване, мы со Стеном уселись и приготовились узнать, что же все-таки представляет из себя эта злополучная книга.

Глава 3

– Если вы хоть что-нибудь слышали о шумерской цивилизации, то должны знать, что шумеры, если верить их сказаниям, пришли в Междуречье из далекой горной страны. Некоторые источники позволяют думать, что это была Африка. Но почему они это сделали? Почему они преодолели такое большое расстояние? Этого никому не известно. Меня, как человека, который увлекается языками, всегда интересовали мертвые языки. То есть, мне нравится исследовать причины возникновения того или иного языка. Так вот, я вам прямо скажу, что ничего похожего на шумерский язык в мире не существует. Объясню почему. Если не углубляться в научные тонкости, то можно сказать, что не могли люди того периода самостоятельно говорить о вещах, совершенно не свойственных тому времени. В писаниях шумеров, говорится о таинственных Нифилимах, которые, якобы, пришли на Землю с пересекающей планеты. Представляете себе?! Это просто удивительно! Шумеры имели представление о строении Солнечной системы! Откуда?! И я вам отвечу. Слишком много совпадений, чтобы не верить следующему. Нифилимы, по легендам шумеров, представляли собой пятиметрового роста людей, которые жили намного дольше, чем мы. Мало того, они владели способами межпланетного сообщения. Это не может быть выдумкой. Они прибыли на Землю с планеты Нибиру, которая находилась между орбитами Марса и Юпитера и пересекала их орбиту. Зачем они это сделали? Затем, что на их планете закончились запасы золота, а они очень сильно в нем нуждались. Этим золотом нифилимы экранировали свои космические корабли, и оно им требовалось в больших количествах...

Я и Стен внимательно слушали, но никак не могли понять, к чему клонит Свенсен.

– Мистер Свенсен, – перебил я его. – Скажите, пожалуйста, а какое отношение имеет книга ко всему этому?

– Самое прямое. Книга – это свод всех нифилимских знаний. Мало того, если верить шумерам, это своеобразное собрание заклинаний для получения невероятной силы и огромного могущества. Двумя словами, тот, кто владеет книгой, может стать хозяином мира!

Мы со Стеном переглянулись. У этого человека явно поехала крыша. О чем он говорит? Какая сила?! Видимо виски, в конце концов, сделало свое дело, и парень окончательно свихнулся. Видел бы он сейчас себя со стороны. Замученный небритый мужик, с лицом, опухшим от пьянства, разглагольствовал о внеземных цивилизациях и людях ростом в пять метров. Надо срочно уходить. Я прокашлялся и, как бы невзначай, заметил:

– Нам очень жаль, но Стен должен сегодня идти на лекцию по истории Древнего мира, а мне нужно возвращаться в магазин.

Свенсен растерянно посмотрел на нас и тихо сказал:

– Ребята, вы считаете, что я сошел с ума? Нет...! Старина Том еще не окончательно сбрендил. На вашем месте я, наверное, тоже подумал бы, что этот пьяница, несет какую-то чушь, но уверяю вас, дайте мне еще пятнадцать минут и вы измените свое мнение.

Свенсен с надеждой взглянул на меня, и я сдался. В конце концов, ничего с нами не сделается, если мы дослушаем до конца бредни этого чудака. Возможно, мы единственные, с кем он может вот так вот поговорить. Я сделал внимательное выражение лица и кивнул.

– Хорошо мы задержимся немножко. Ведь, правда, Стен?

Стен почесал затылок и, подморгнув мне, сказал:

– Лекция только через сорок минут, так что я еще успею.

Свенсен довольно потер ладоши и продолжил:

– Так вот... Книга эта очень старая. Очень-очень старая. Я даже допускаю мысль, что она с планеты Нибиру! Представляете себе?! Это единственная вещь внеземного происхождения?!

Я молчал, послушно кивая Свенсену время от времени. Я готов был вытерпеть что угодно, лишь бы это поскорее закончилось. Но Стен, по-видимому, немного оживился. В его глазах я заметил огонек азарта и удивился этому. Неужели он верит всему, что говорит Свенсен? И я не ошибся. Стен вдруг вскочил на ноги и, подойдя ближе к Свенсену, спросил:

– А вы знаете о странице в Городском музее?

Тот широко раскрыл глаза и ответил:

– Так вы и об этом знаете?!

– О чем? – хором спросили мы и переглянулись.

– О том, что есть вырванная страница с алфавитом нифилимского языка.

Я не знал, что сказать. О странице знала, наверное добрая часть населения всего Чикаго. А о том, что это алфавит, я слышал впервые.

– О том, что это алфавит, мы не знали. Как там можно что-то разобрать? Сплошные крючки и закорючки.

Свенсен хлопнул себя по коленям и негодуя заметил:

– Как вы так можете говорить, Майк? Это же древнейший язык, которому тысячи лет! Почему вы думаете, что наш язык лучше?

– Ну, хотя бы потому, что мы его понимаем.

– Нифилимский язык существенно отличается от шумерского, но он является первым. Вы слышите? Я готов поспорить с кем угодно, что это язык наших создателей!

Я уже ничему не удивлялся и чтобы как-то уговорить Свенсена, решил задать ему сокрушительный вопрос:

– А как вы объясните появление этой книги у нас?

Здесь Свенсен развел руками:

– Этого я не знаю. Известно только, что Джейкоб Лири привез ее с собой из экспедиции по Ираку. Зато я прочитал, что можно попасть в страну Нибиру с помощью этой книги. И сделать это можно будет как раз на днях.

– То есть...?

– Это значит, что один раз в 3500 лет любой, кто имеет эту книгу, может попасть в мир Нифилимов.

При этих словах Свенсен задумчиво посмотрел в потолок и замер.

Я решил, что его речь окончена, и встал с дивана.

– Ну, что же, мистер Свенсен, все было очень интересно. Большое вам спасибо, но мы пойдем. Да, Стен?

Но Стен, как мне показалось, никуда не собирался идти. Он проигнорировал мой вопрос и спросил у Свенсена:

– А как это сделать? Как попасть в страну Нибиру?

– Необходимо промолвить на нифилимском языке слово «Элохим» и тогда все произойдет.

– Но как же это сделать? Ведь никто не знает этого языка.

Свенсен таинственно посмотрел на нас и торжественно заявил:

– Я знаю!

Это уже было невыносимо. Неужели, этот выпивоха решил окончательно нас добить? Терпеть дальше это было нельзя, и я твердо заявил:

– Нам действительно некогда с вами больше разговаривать. Мы уходим.

Но Стен схватил меня за руку и возразил:

– Майк, я вот тут подумал... Эта лекция будет и завтра. Все равно, я уже не успеваю. Давай задержимся еще немного.

Вздыхнув, я опять уселся на диван. Черт меня попутал сказать Стену об этой книге. Сейчас я уже давно спокойно сидел бы в своем магазинчике и читал газеты. А теперь мне

приходится выслушивать болтовню сумасшедшего. Я твердо решил больше его не перебивать и честно дожидаться конца представления. Тем временем, Свенсен продолжал набирать обороты.

– По моим расчетам именно завтра ночью будет шанс попасть в Нибиру. Но для этого нам нужна вся книга.

– О чем идет речь? – нетерпеливо перебил его Стен.

– Я говорю о том, что нам очень нужна эта страница из музея.

– Нам?! – не удержался я. – Вы говорите, нам?!

Свенсен непонимающе на меня посмотрел.

– Ну конечно... А разве вам не хочется увидеть древний мир?

Меня начинала распирать злость. Мало того, что этот человек вылил на нашу голову кучу своих больных фантазий, так он еще хочет, чтобы мы ему подыграли.

– Я абсолютно ничего не желаю видеть и мне вполне комфортно и здесь, – язвительно ответил я, сложив руки на груди.

– Но, Майк, ведь я подумал, что вы поддерживаете меня... Сам я ничего не смогу сделать...

– Сделать что?

– Выкрасть страницу из музея...

При этих словах я вскочил и стукнул кулаком по столу:

– Мистер Свенсен, вы в своем уме!? Вы понимаете, о чем говорите!? Что вы нам предлагаете!? Вы на самом деле хотите, чтобы мы выкрали вместе с вами музейный экспонат?! Я, конечно, извиняюсь, что мы к вам пришли без приглашения, но играть в ваши игры я не собираюсь. Вы вообще отдаете себе отчет в том, что музей охраняется, и нас посадят в тюрьму?

– Не посадят?

– Почему?

– Я все просчитал. Если это сделать перед закрытием музея, то все должно получиться.

– Вы сумасшедший.

– Я знаю, но умный сумасшедший. Мне как раз нужны помощники. Вечером охрана невнимательно следит за залами. Им побыстрее хочется смениться и уйти домой.

– Откуда вы знаете?

– Я иногда даю соседским мальчишкам деньги и предлагаю им сходить в музей, якобы для общего развития, а потом выпрашиваю у них все, что они там видели. И между прочим, незаметно узнаю о них о всех подробностях распорядка работы музея.

– Вы что, давно этим занимаетесь? – подозрительно спросил я.

– Уже третий год. Сначала меня пускали в музей, но... после некоторых событий, мне запрещают туда приходить.

Смутные догадки начали пробираться в мои мысли.

– Так это вас вывели из музея, после того как вы требовали дать вам страницу?

Свенсен нахмурился и виновато продолжил:

– Вы и это знаете?... Да, это был я. Но мне удалось незаметно сфотографировать страницу и благодаря этому я нашел ключ к алфавиту.

– Мистер Свенсен, я конечно извиняюсь, но вам не кажется, что у вас навязчивая идея?

– Майк, я не знаю, как вам это объяснить. Это сильнее меня. Мистер Райс, может, вы меня понимаете?

К моему удивлению, Стен ответил:

– Мне знакомо это чувство. Когда не хватает последнего кирпичика для полной картины, хочется любой ценой его получить.

– Вот-вот. И я так думаю. Когда мне представилась эта страница, я захотел разобраться в ней, но сделать этого, приходя постоянно в музей, было сложно. Тем более, что выставка проходит не постоянно, а только раз в год. И поэтому я и устроил весь этот спектакль с истерикой, чтобы получить фотоснимок текста.

– Но, почему вы просто не спросили разрешения сфотографировать страницу?

– Потому, что этот дотошный очкастый старикан запрещает фотографировать в музее. А я готов дать голову на отсечение, что никакая вспышка не повредит этому материалу. Он ничуть не изменился за тысячелетия, тем более ничего с ним не будет от фотографирования.

– Но, в конце концов, есть какие-то каталоги с изображениями музейных экспонатов, есть копии и тому подобное и, наконец, зачем вам вообще все это?

– Во-первых, ни в одном каталоге страница не значится, хотя это странно, во вторых у нас есть шанс дать человечеству нечто великое и ценное. Представьте себе, что в книге могут быть способы победить неизлечимые болезни, получить неиссякаемые источники энергии, узнать о новых технологиях и о многом другом. Ведь ее написали люди намного продвинутой нас на тысячи лет. Неужели это не прекрасно?

– Это, конечно, прекрасно, но опираться на одни только легенды нельзя. В любой культуре есть множество выдумок, и большинство из них высосаны из пальца. Что вы на это ответите?

– Я с вами полностью согласен. Вот только, если бы вы побольше узнали о шумерах, то изменили бы свое мнение. Я еще раз утверждаю, что мы – дети Нифилимов. Этому, в конце концов, есть доказательства. На некоторых глиняных табличках...

– А как же теория Дарвина? Мы ведь от обезьян произошли, не так ли?

– Дарвин прав только наполовину. Он был специалистом-биологом, но не генетиком. А если бы он был генетиком, то увидел бы, что ДНК обезьяны лишь отдаленно похоже на наше. Сходство есть, но много и различий. Ни одна из обезьян не может превратиться в человека, как бы она не трудилась. Это просто невозможно. Но она может участвовать в создании человека.

– И как же?

– Она может дать свое ДНК для соединения его с нифилимским.

– Но зачем?

– А вам не понятно? Для создания рабочей силы, которая не так умна, как аннунак, но вполне разумна для того, чтобы выполнять поставленную задачу.

– Какую?

– Вы невнимательно слушали, Майк. Я говорил, что нифилимы нуждаются в золоте. Но если они обладают технологией скрещивания, то могут создать себе множество рабочих, которые будут рыть землю и считать своих создателей богами.

Я серьезно задумался. Свенсен явно был сумасшедшим ученым, но у него удивительно был развит дар убеждения. Еще несколько минут назад я собирался хлопнуть дверью, а сейчас сидел, тупо уставившись в стену. Если это и бред, то хорошо обоснованный. Действительно, нечто похожее говорил нам профессор в музее. Ничего не мешало мне доказать этому пьянице его неправоту, если бы не эта страница. Хотя бы ради того, чтобы опустить парня на землю, стоило поучаствовать в его мероприятии, вот только оно пахло криминалом. В принципе, можно попытаться уговорить музейного профессора, чтобы он выдал нам эту страницу, но это мне казалось маловероятным. Такие люди за последний разбитый горшок непонятого происхождения готовы стать стеной. Но кража... Это как-то неправильно. Пусть даже во имя всего человечества, как считает Свенсен. Но теперь во мне заново проснулось знакомое мне чувство авантюризма, которое постоянно преследовало меня в Дирланде. Эх!.. За что мне все это?

– Допустим, мы согласимся. Допустим, нам даже удастся выкрасть то, что вам нужно. Допустим, мы прочитаем это волшебное слово, о котором вы нам говорили. Но что дальше? Мы что, попадем в прошлое?

Свенсен подошел ко мне и горячо произнес:

– Я не знаю. Но я верю в существование Нибиру! Ошибки быть не может.

Я обхватил голову руками. Сейчас я ясно осознавал, на что толкает нас этот безумец. Но желание узнать тайну уже твердо засело у меня в мозгу. Воровать я еще ни разу не пробовал. Скорее всего, нас сразу поймают. Да и как можно среди бела дня незаметно открыть стеклянный шкаф и взять что-либо? Разве что, пригласить гипнотизера, чтобы он усыпил всех кроме нас и мы могли спокойно все проверить. Чужь какая-то!

– У вас есть хоть какое-нибудь подобие плана? – спросил я, мало надеясь на утвердительный ответ.

– Конечно. Все предельно просто. Мне показываться в музей нельзя, а вот вы можете без труда все сделать сами.

– И каким же образом?

– Один из вас должен будет отвлечь внимание этого вредного старикашки.

– Гениально! – воскликнул я. – Потрясающий по своей сложности план. Как же я не смог додуматься сам?! Один болтает с профессором, а другой, как ни в чем не бывало, берет все, что хочет и, посвистывая, уходит. Фантастика!

– Вы напрасно смеетесь, Майк. Это и в самом деле нетрудно.

– Да уж. Любопытно узнать, а что же делаете в это время вы?

Свенсен загадочно улыбнулся и ответил:

– Не волнуйтесь. Я не собираюсь только вашими руками проверить всю операцию. Я приму самое непосредственное участие.

– И как же? Будете в церкви напротив читать за нас молитву?

– Нет, что вы. Я возьму на себя охранников. Кстати, их обычно только двое.

– Ага, понятно. Вы попросите их на некоторое время отвернуться или уговорите на полчаса раньше уйти домой. Хотя, нет. Как же вы это сделаете, если вас даже на порог не пускают?

– Я уже все придумал. Я переоденусь, надену парик и приклею себе усы. Тогда меня никто не узнает.

– Допустим, что так. А дальше?

Тут Свенсен опустил глаза и ответил:

– Дальше я буду действовать по обстановке. Наверное, что-нибудь разобью или подниму шум. Не знаю. Но я обязательно что-нибудь сделаю.

– Великолепно! Один план лучше другого. А знаете ли вы главную новость?

– Какую?

– Представьте себе, что сегодня последний день выставки. Об этом написано на плакате у входа в музей.

Такого удивления на лице Свенсена я еще не видел. Он открыл рот от изумления и уставился на меня.

– Как?.. Вы точно уверены в этом?

– На все сто. Какие же теперь будут наши действия?

Свенсен задумчиво прошелся из угла в угол и опять уселся в кресло.

– Тогда мы должны сделать это сегодня.

Я опешил и посмотрел на Стена. Тот также замер в ожидании продолжения и ничего не говорил.

– До закрытия музея осталось полтора часа. Сейчас половина седьмого. У нас на сборы не более пятнадцати минут, – продолжал Свенсен, начиная открывать один из чемоданов. –

Кстати, мистер Райс, вот эта книга. – Свенсен вытащил из кучи не стиранной одежды газетный сверток и протянул его Стену. – Смотрите, только по быстрее, а мне нужно срочно загри-мироваться.

Похоже, за нас уже приняли решение, и мы ничего не смогли возразить. Развернув сверток, мы принялись листать книгу. Больше всего меня поразила удивительная мягкость страниц. Они были не совсем белыми, а с зеленоватым оттенком. Несмотря на кажущуюся хрупкость, страницы обладали достаточной прочностью, чтобы их можно было случайно порвать. Из этого следовало, что та страница в музее кем-то оторвана намеренно. Но зачем? И в самом деле, последней страницы не было. Вернее оставалась ее небольшая часть. Символы или буквы были нанесены неизвестным мне способом. Они явно были не написаны и не напечатаны. При более пристальном осмотре было видно, что текст как бы проявлялся изнутри материала. Это было похоже на водяные знаки как на долларовых купюрах, но только хорошо заметные. Обложка черного цвета явно была кожаной и была очень приятной на ощупь. Серебристая застежка ничем особенным не отличалась, но ее половина странным образом прилипала к обложке, когда книгу закрывали. В центре обложки красовались уже виденные мной каракули, которые абсолютно ничего нам не говорили. Сама книга была на редкость легкой. В ней, по крайней мере, была тысяча страниц и она должна была весить по меньшей мере килограмм, а весила как небольшой детский журнал. Я очень жалел, что не рассмотрел книгу раньше. Она действительно была удивительной. Даже если бы она не была инопланетным сборником заклинаний, а простым сборником стихов, то ее исполнение все равно могло удивить кого угодно. И стоила бы она, конечно, не двадцать долларов. И не двести... Оставалось только вздыхать и пенять на свою невнимательность.

Тем временем Свенсен подошел к нам, и мы увидели потрясающую картину. Перед нами стоял типичный немецкий турист с фотоаппаратом на груди. Седые волосы до плеч и усы с проседью делали Свенсена просто неузнаваемым, хотя очень заметным. На нем был зеленый жакет и джинсы, на ногах красовались ярко белые кроссовки.

– Боже мой, мистер Свенсен, вас будет заметно за километр, – с досадой протянул Стен. – Мне казалось, что на такие дела нужно одеваться понеприметней, а вы вырядились как на бал.

Свенсен критически оглядел себя и ответил:

– Все намного проще, мистер Райс. У меня больше ничего такого нет. Еще есть пижама и один костюм. А турист в пижаме или в костюме, как вы понимаете, это еще хуже.

Я покачал головой.

– Чем больше я на вас смотрю, тем больше меня одолевают сомнения. Никакого более-менее сносного плана у вас нет, одежда похожа на маскарадную и, кроме того, вы до сих пор не знаете, чем будете заниматься в музее в то время, как мы будем пытаться ограбить охраняемый объект. Скажите честно, Свенсен, вы об этом не думали на досуге? За два с лишним года могли бы подготовиться получше. Кстати, зачем вам была нужна страница, если вы и знать не знали, что когда-нибудь увидите книгу?

– Знал, Майки, знал.

– Не может быть. И откуда же?

– А откуда, что это блуждающая книга! И она рыщет по мирам в поисках своей страницы! Это рано или поздно должно было произойти. И я дождался этого дня.

– Что значит «рыщет по мирам»? – спросил я, в очередной раз убеждаясь в его невменяемости.

– Э, Майки, эта книга не просто книга. Она живая.

– Господи, мистер Свенсен, ну неужели вы считаете нас полными идиотами? Мы ведь и так согласились участвовать в вашем безнадежном мероприятии. Зачем же вы еще приплели сюда то, что книга живая. Может она, и говорить умеет?

– Я вовсе не считаю вас идиотами. Просто вы сегодня и так много чего узнали, и чтобы я мог рассказать вам больше, потребуется уйма времени, которого у нас сейчас нет. Мы во что бы то ни стало, должны сегодня заполучить страницу, иначе придется ждать еще год до следующей выставки. А затем еще три с половиной тысячи лет.

– Ага. Лучше провести этот год за решеткой. Если нам повезет, то нас посадят в одну камеру и там у нас будет достаточно времени для изучения всех книг на свете.

– Ну, ты напрасно так говоришь, Майк. Я уверен, что все у нас получится.

– Хотелось бы верить, да что-то не верится. Имейте в виду, мистер Свенсен, если нас схватят, то я не стану вас покрывать и расскажу, кто истинный зачинщик. В этом можете быть уверены.

– А я и не против. Сидеть с такими веселыми ребятами, как вы, одно удовольствие.

Я нахмурился и добавил:

– Мне не по душе ваш черный юмор. Если у вас нет семьи, это не значит, что ее нет у других. Моя жена не переживет разлуки.

После этих слов я увидел, что Свенсен заметно погрузтел. Я понял, что сказал что-то не то. Но разбираться, действительно, было некогда. Если мы решили что-то делать, то это нужно было сделать как можно скорее. Я хотел по быстрее разобраться со всем этим и забыть как дурной сон. Одна моя половина говорила мне, что я совершаю глупость, но другая тянула вперед и эта половина была сильнее первой.

Когда на моих часах уже было семь вечера мы, наконец, вышли на улицу. Как только мы прошли пару кварталов, заморосил мелкий дождь и я подумал, что это и есть самая идеальная погода для ограбления века. Прохожие разбегались по домам, а мы шли в музей. Нашей тяге к прекрасному можно было только позавидовать. Двое молодых парней и старый немецкий турист, который приехал за тридевять земель и обязательно хочет попасть на выставку предметов древностей Ближнего Востока. Ничего более глупого я себе представить не мог. Если бы это была выставка современного искусства, то наша процессия была бы куда уместней. Я не удивлюсь, если в музее кроме нас никого из посетителей не будет. Интересно, а есть ли у них сигнализация?..

Глава 4

Через пятнадцать минут мы были у цели. Следуя феноменальному плану Свенсена, нам пришлось разделиться. Стен вошел в двери музея первым, а я через пару минут после него. Внутри царил полумрак и, это говорило о том, что работникам музея хотелось пораньше закрыть экспозицию. В залах еще оставалось несколько людей, но они уже бесцельно бродили туда-сюда, ни перед чем особо не задерживаясь. До закрытия оставалось совсем немного. Только сейчас я начинал осознавать всю нелепость нашего предприятия. Ну, какому мало-мальски опытному вору придет в голову устраивать кражу в последний день выставки и еще за считанные минуты до закрытия? Кого запомнят лучше всего? Конечно тех, кто оставался в музее до последнего. Хорошо еще, если мы будем здесь не одни. Тогда у нас будет шанс надеяться на анонимность. Но, как назло, в нужном зале никого из посетителей не было. Зато совсем рядом с выставленной на обозрение страницей бродил угрюмого вида охранник и нетерпеливо поглядывал на часы. Профессора не было видно и хоть это вселяло какой-то оптимизм. Но он через мгновение рассеялся, когда старик все же появился из соседнего зала. Он направлялся прямо ко мне и вежливо улыбался. Ну, какое тут может быть ограбление?!

– Добрый вечер, молодой человек, – сказал мне профессор, подойдя вплотную. – Что, желаете в последний раз осмотреть экспозицию? Прекрасно, не правда ли?

Я совершенно не знал, что говорить. Надо было срочно что-нибудь придумать, и я ляпнул самое нелепое, что могло прийти мне в голову.

– Да... нет. Знаете, профессор, я кажется, сегодня потерял здесь свою авторучку, а она мне очень дорога. Подарок любимого человека.

Старик сочувственно покачал головой и сказал:

– Я, к сожалению, ничего такого не находил. А вот наша уборщица могла ее видеть, если, конечно, ее никто раньше не нашел.

Я стоял как вкопанный и думал над продолжением разговора.

– Скажите, пожалуйста, а нельзя ли как-нибудь поговорить с вашей уборщицей? – спросил я, сам не зная зачем.

– Конечно можно. Пойдемте со мной и поищем ее вместе. Все равно посетителей больше не будет.

Идти со стариком на поиски уборщицы, никак не входило в мои планы, но теперь я не мог отказаться, иначе он мог что-нибудь заподозрить. Похоже, кража накрывалась медным тазом. Ведь именно мне выпала участь стащить проклятую страницу, а Стен должен был как раз отвлекать профессора. Наш план трещал по швам. Еще ничего не начав делать, мы уже поменялись ролями. Куда же запропастился Стен? Придется плестись за стариком и искать никому не нужную уборщицу.

Мне повезло и уже через десять минут мы обнаружили толстую тетку с ведром и шваброй, которая возилась на одной из лестниц.

– Миссис Браун, скажите, пожалуйста, не находили ли вы сегодня в шумерском зале какую-нибудь авторучку? – вежливо спросил у нее профессор.

Женщина подумала немного и отрицательно покачала головой.

– Ну, вот видите, молодой человек, никто вашу ручку не видел. Мне очень жаль, но я думаю, вам ее здесь не найти. Я вот однажды нашел совсем новые очки, так...

Мне было не до дотошных историй старика и я, с сожалением вздохнув, решил вернуться поближе к странице.

– Извините, профессор, – перебил я его. – Если уж я сюда пришел, то посмотрю хотя бы в последний раз на ваши экспонаты. На самом деле, мне очень понравилось сегодня у вас.

Старик одобряюще на меня посмотрел и с улыбкой сказал:

– Похвально, молодой человек, похвально. Кстати, могу я узнать ваше имя?

– Майкл Робески, – не думая ответил я и прикусил губу. Ну вот, теперь ему известно и мое имя. Ну, какой из меня преступник?

– Так вот, мистер Робески. Если вам не в тягость мое общество, я мог – бы уделить вам минут двадцать и ответить на любые ваши вопросы касательно выставки? Что вас больше всего заинтересовало?

– Седло, – выпалил я первое, что пришло мне на ум, и ткнул пальцем в сторону одного из шкафов. Теперь становилось понятным, что ничего у меня не выйдет, и какое-то время мне придется слушать скучные рассказы этого музейного клопа и хлопать глазами.

– Ах, седло..., – медленно повторил за мной старикан и задумался. – М... да, я с вами совершенно согласен... Любопытный экспонат. Я бы даже сказал прелюбопытнейший. Самое интересное, что на лошадях в то время было принято...

Я постарался не слушать болтовню профессора и сосредоточился на мысли о том, как бы мне отсюда побыстрее убраться. Мне ужасно хотелось есть и окончательно перехотелось грабить музей. Далась мне эта страница. Ну не попаду я в загадочный мир Нибиру и что из того? Интересно, а где сейчас Свенсен? Наверное, передумал устраивать ограбление и теперь сидит где-нибудь в баре напротив и пьет свой любимый виски. Слишком много для меня музеев на сегодняшний день. И Алия, наверное, уже переживает. Тут мне пришла в голову спасительная мысль.

– Извините, профессор, я вспомнил, что мне срочно нужно позвонить. Где у вас тут аппарат?

Старик перестал бубнить историю о седлах и растерянно уставился на меня.

– Таксофон находится внизу на первом этаже. А вам что, неинтересно?

– Нет, что вы, я просто ошарашен услышанным. Можно я еще как-нибудь приду к вам, если вы, конечно не против?

Профессор просиял от удовольствия и пожал мне руку.

– Конечно, приходите. Очень редко можно встретить в наше время столь заинтересованную молодежь. Знаете, когда я был еще студентом, то иногда...

Но я уже не слышал его последних слов и шел по направлению к лестнице. Внезапно мне перегородил дорогу Стен и по его взволнованному виду я понял, что что-то произошло.

– Ну, наконец-то, Майки... Где ты пропадал? Я весь музей оббежал.

– Это ты где был? Я полчаса вынужден был бродить по музею со стариком и слушать его лекции. Мне даже посчастливилось познакомиться с миссис Браун.

– Миссис Браун? Кто это?

– Это самая главная уборщица здесь. Искал свою авторучку.

– Авторучку?... – растерянно спросил Стен, но я только махнул рукой и направился к выходу.

– Не бери в голову. С таким же успехом я мог искать бабушкины тапочки. Почему ты не отвлек старика от страницы?

– Майк, ты не знаешь главного.

– Главного? Чего главного?

Стен понизил голос и посмотрел по сторонам.

– Все уже произошло.

Я сразу не понял о чем речь и переспросил его:

– Что произошло? Почему ты говоришь загадками?

– Ты что, не понимаешь?! Страница... У нас все получилось.

Я посмотрел на него удивленным взглядом и сказал:

– Стен, не бери пример со Свенсена. Он дурно на тебя повлиял. У нас был один сумасшедший, теперь их у нас двое.

– Ты не понял, Майки... Ему это удалось. Я пришел, чтобы забрать тебя.

– Что ему удалось? Задурить нам головы? Согласен с тобой полностью. Я думаю, он и не такое способен.

– Да, что же ты, в самом деле? Он сам выкрал страницу. Без нашей помощи.

Я замер как пришибленный. О чем говорил Стен? Совсем недавно я видел страницу за стеклом, и она была на своем обычном месте.

– То есть как?.. – медленно протянул я и посмотрел ему в глаза.

– А так. Когда я перед тобой зашел в зал, то увидел там только двух охранников. Я не знал, что мне дальше делать и решил подождать, пока они не пройдут в другой зал. Вдруг пришел профессор и начал приставать ко мне с вопросами о том, понравилась мне выставка или нет. Я стал расхваливать все, что видел вокруг, и он потащил меня по всем залам. В одном из них рабочие таскали какие-то ящики, и старик любезно заставил меня им помочь, пообещав взамен показать редкую коллекцию оружия каких-то там племен. Я не смог отказаться и перенес несколько ящиков этажом ниже.

– Теперь ясно, почему я тебя не увидел. Зато я тоже встретил старика, и он прочитал мне незабываемую лекцию о седлах и лошадях. Я еле от него избавился. Цепкий старичок.

– Это точно. От него так просто не уйдешь.

– Так что же все-таки произошло? – спросил я, выходя на улицу.

– Я сам не знаю. Только когда я закончил с ящиками, то стал подниматься на нужный этаж и на лестнице встретил Свенсена. Он спешил вниз и украдкой показал мне из-за пазухи страницу.

– Ты в этом уверен?

– Конечно.

– И что он тебе сказал?

– Он только успел крикнуть мне, чтобы я нашел тебя и что мы встречаемся у него дома через час.

– Невероятно. Как ему это удалось?

– Понятия не имею, – ответил Стен. – Мне кажется, что это произошло в то время, когда я таскал тяжести, а ты искал свою авторучку вместе с профессором. Кстати, ты ее нашел?

Я отрицательно покачал головой. Сейчас меня волновало другое. Как Свенсен смог под носом у охраны повернуть это рискованное дело и почему он отклонился от плана? Он, конечно, говорил, что будет действовать, исходя из ситуации, но не было и речи о том, что именно он должен выкрасть страницу. А может это удачное стечение обстоятельств? Свенсен увидел, что ни меня со Стеном, ни старика нигде нет, и решил действовать самостоятельно? Возможно, в этот момент и охранники куда-то ушли? Скорее всего, так. В любом случае, мы это скоро узнаем от самого Свенсена. Шустрый оказался переводчик. Но, стоп! Почему до сих пор не объявлена тревога? Или пропажа ценного экспоната еще не обнаружена? Слишком много загадок.

На улице начало темнеть, и мы поспешили поскорей дойти до жилища Свенсена. Его окна выходили во двор, поэтому мы не могли видеть свет из его квартиры. Поднявшись на четвертый этаж, мы увидели, что дверь у Свенсена приоткрыта. Я осторожно заглянул внутрь и увидел хозяина этой комнатухи стоящим на коленях и связывающим свои неупакованные пожитки бечевкой.

– А, вы уже здесь? – сказал Свенсен, мельком посмотрев в нашу сторону. – А я пока решил собрать барахлишко. Думаю завтра утром отвезти это все к родителям. Сюда я больше не хочу возвращаться.

– Почему, – спросил я, усаживаясь на большую стопку книг.

– Так спокойней. Меня уже, наверное, ищут. Да и вас, думаю, тоже.

– С чего вы взяли? Ведь, выходит, что ни я, ни Стен не участвовали в краже.

– Это так, но они попытаются опросить всех, кто был в это время в музее. Поэтому советую вам не медлить и скорее идти по домам.

– А разве вы нам не расскажете, как вам удалось проверить все самому?

Свенсен ухмыльнулся и ответил:

– Да очень просто. Я говорил вам, что лучший план – это никакого плана. Так и вышло.

Когда я вслед за вами зашел в музей, то старался не попадаться на глаза охране. Там все работают по сто лет и хорошо меня знают. Тут и маскировка не помогла бы. Я начал подниматься на третий этаж, где находилась страница, как вдруг увидел спускающегося вниз охранника. Он, видимо, спешил в туалет. Я еле успел отвернуться, чтобы он меня не узнал. Это был один из тех, которые меня однажды скрутили. У этих служак хорошая память. Когда я, наконец, поднялся, то увидел только одного охранника. Это было нам на руку. Но как его убрать из зала? Он, как назло, крутился вокруг страницы, как будто что-то чувствовал. Тогда я повернулся к нему спиной и стал разглядывать глиняные горшки, ожидая, что он уйдет. Но он продолжал топтаться на месте. Тогда мне пришлось действовать напролом. Этот охранник был новеньким и меня не знал. Я подошел к нему и на ломаном английском сказал, что второй охранник просит его срочно спуститься вниз. Он ответил, что инструкция не позволяет ему бросить свой пост без команды начальства, но я соврал ему, что, по-моему, на одном из этажей поймали воришку и он сопротивляется. И он поверил мне. Я очень рисковал. В любой момент мог вернуться его товарищ, и тогда мне пришлось бы туго. Но нам повезло. Все оказалось намного проще. Вот только теперь вся полиция Чикаго ищет седовласого иностранца с фотоаппаратом. Мне пришлось выбросить все в мусорный бак, и теперь я остался почти без одежды.

– А когда же вы собираетесь читать свое заветное слово? – спросил у него Стен, сгорая от любопытства.

– Как и говорил – завтра ночью. Я надеюсь, вы еще не передумали составить мне компанию?

Стен сразу сказал, что не передумал, а я на секунду задумался. А что, если Свенсен говорит правду, и мы действительно попадем в какое-нибудь неизвестное место? Такой опыт у меня уже был. Но как я объясню отцу и Алие свое долгое отсутствие? Конечно, что-нибудь можно придумать, но это были не те люди, которых я хотел обманывать. Наверное, будет правильней, если я попытаюсь им объяснить причину, по которой могу надолго исчезнуть из поля зрения. Они достаточно повидали в жизни, чтобы понять мое желание снова окупнуться в пучину приключений и неожиданностей.

Я утвердительно кивнул, и это означало, что я сделал свой выбор. На этом и остановились.

Спустя двадцать минут, я уже был дома, не став заходить в магазин, зная, что Алиа уже его закрыла и ушла. Как по заказу, у нас в гостях был мой отец. Обычно он целые сутки находился на работе, но сегодня почему-то ушел раньше.

– Привет, Майк. Ты где так долго гулял?

– Здравствуй, отец. Мы со Стеном были в центре, а потом зашли в музей.

– В музей? – удивилась Алиа. – А что такое «музей»?

Всегда, когда Алиа слышала новое слово, она спрашивала у меня его значение.

– Музей? Музей – это большой дом, где хранятся разные старые вещи.

– Понятно. А зачем ты ходил смотреть на старые вещи?

Действительно, как ей объяснить, зачем люди ходят в музей?

– Это долго объяснять, дорогая. Лучше я как-нибудь тебя свожу туда. Отец, а что это ты так рано с работы вернулся?

– Да, ерунда какая-то, – с досадой ответил он. – К нам в офис наняли молодых охранников, а меня выгнали.

– Ты серьезно? Тебя что, уволили?

– Точно. Ну и пусть теперь возьмется со своим молодняком. Они им наохраняют.

– Значит, ты теперь абсолютно свободен?

– Выходит, что так. А почему ты спрашиваешь?

Наступил подходящий момент для объяснений.

– Видишь ли, отец, я сегодня попал в интересную историю, и она обещает быть не хуже, чем заварушка в Дирланде.

– Ты называешь это заварушкой? Мы же чуть не погибли.

– Извини. Я просто хотел сказать, что если у меня все выгорит, то это будет очень важным для всех людей.

– А поподробней, ты можешь рассказать?

– Ну, это может быть похожим на то, как мы попали в Оленью страну.

– Ты хорошо подумал? Зачем тебе это нужно?

– Я не знаю, отец. Может это все и не произойдет. Просто я хочу, чтобы ты присмотрел за магазинчиком и Алией во время моего отсутствия.

– Я-то, конечно, сделаю, что смогу, но как долго тебя не будет?

– Неизвестно. Но пойми меня, отец, иначе я не могу.

Отец внимательно посмотрел в мое лицо и сказал:

– Ну, что же. Если ты сделал свой выбор, то иди до конца. Ты такой же, как и я.

– Майк, – вдруг вступила в разговор Алиа. – А когда ты собрался уезжать?

– Завтра ночью. Хотя не думаю, что мне придется уезжать. Скорее улетать, а впрочем, я не знаю.

Она расстроено опустила голову, и мне показалось, что собралась плакать.

– Ты что это, Алиа? Еще не факт, что я куда-нибудь уеду. Просто я хочу, чтобы вы были готовы и не переживали по поводу моего возможного отсутствия.

Ночь прошла, и наступило утро следующего дня. Сегодня мне и Стену предстояло проверить на состоятельность историю Свенсена. Но сначала я хотел разобраться с делами в магазине. Позавтракав, я направился на работу.

Когда я только открыл двери и вошел внутрь, меня кто-то сзади тронул за плечо. Я вздрогнул и обернулся. За моей спиной стоял вчерашний посетитель. Тот самый пожилой мужчина, который принес книгу. Этот человек совершенно выпал у меня из памяти. Он, наверное, пришел узнать, не продана ли книга.

– Доброе утро, мистер..., – я выдержал паузу, надеясь услышать его имя.

– Лири. Джон Лири.

Я ничуть не удивился. Похоже, Джейкоб Лири и есть его дед, о котором он говорил вчера.

– Проходите, пожалуйста, мистер Лири. Я вас внимательно слушаю.

Старик неуверенно помялся в дверях и сделал несколько шагов вперед.

– Видите ли, мистер...

– Робески.

– Видите ли, мистер Робески, мне очень неудобно, но... но я хотел бы забрать свою книгу обратно.

Такое поведение клиентов было мне не в диковинку. Иногда люди возвращались и забирали свои вещи и почти всегда они успевали, но в этом случае я не мог ничем помочь.

– Мне очень жаль, мистер Лири, но книгу уже купили.

После моих слов старик замер на месте и, видимо, хотел что-то сказать, но не смог. Из его руки выпала трость и с шумом грохнулась на пол. Этот звук вывел его из оцепенения, и он постепенно пришел в себя.

– Как?.. Так быстро?.. О, Боже...

Я увидел, что ему трудно стоять и, взяв его под руку, усадил в кресло.

– Может воды, мистер Лири?

Старик медленно покачал головой и вынул из нагрудного кармана платок.

– Нет... Спасибо... Мне уже лучше. Я и не думал, что у вас так быстро все продается. Если честно... Если честно, то мне нелегко далось решение прийти к вам с книгой. Но я больше так не мог...

Я не понял, о чем речь, но продолжал молчать, давая старику возможность выговориться.

– Знаете, мистер Робески, мой дед никогда не одобрил бы мои действия. Эту книгу он передал моему отцу, но он погиб и она досталась мне. Мой дед пережил моего отца и перед смертью завещал мне все свои коллекции и бумаги за исключением, конечно, того, что он передал музею. Когда дед уже был при смерти, он рассказал мне нечто, что просил никому не рассказывать. Он просил меня ни за что на свете не расставаться с этой книгой и, по возможности, никому о ней не говорить. Но... но если бы вы знали, какая эта тяжесть. Она буквально высосала из меня все силы...

Я не верил своим ушам. О чем это говорит старик? Неужели он так сильно расстроился, что начал говорить всякую чепуху?

– Как вы считаете, мистер Робески, сколько мне лет?

Мне не хотелось обижать его и говорить, что ему смело можно дать лет семьдесят пять, и решил немного соврать:

– Я дал бы вам лет шестьдесят семь – шестьдесят восемь.

Мистер Лири невесело улыбнулся, и устало сказал:

– Мне тридцать пять. Как это ни странно звучит.

Мужчину явно поразил старческий маразм. Конечно, людям свойственно желание выглядеть моложе, но есть же какой-то разумный предел. Но я не стал ему противоречить и продолжал слушать.

– Да-да, мне тридцать пять, но выгляжу на все восемьдесят.

Это было ближе к правде. По крайней мере, у старика бывают моменты просветления.

– Книга прибавила мне лет, причем сильно. В двадцать пять лет я выглядел на пятьдесят и у меня есть фотографии, если не верите. Но в последние годы я стал стареть еще быстрее. Мне кажется, что если я протяну еще пару лет, то мне очень повезет. Я стал часто болеть. И болезни мои старческие. Не могу долго сидеть, не могу долго стоять, выпали последние зубы, и мне пришлось вставить протез, сердце пошаливает, скачет давление. Короче говоря, дела невеселые. Жена меня бросила уже через год после свадьбы, когда нам было по двадцать лет. Слава Богу, не успели детей завести. Вы знаете, мистер Робески, я однажды поймал себя на мысли, что стою у витрины похоронного бюро и выбираю себе гроб. Ужасно, не правда ли? Единственное, чем я могу похвастаться, так это тем, что душа у меня осталась молодой.

– А вы не пробовали обратиться к докторам? Может быть, у вас какая-то редкая болезнь? – сочувственно спросил я.

Старик посмотрел в мои глаза и ответил:

– Вы, по-прежнему, мне не верите? Я вам докажу.

При этих словах мужчина закатил рукав свитера и обнажил левое плечо.

– Что вы видите, мистер Робески?

Мне хотелось ему сказать, что вижу старую дряблую кожу на худющей руке, но решил пощадить его чувства, и ответил:

– Ничего особенного. Рука как рука.

– Подумайте внимательно.

Я ничего не мог ему ответить.

– Хорошо. Я вам сам скажу. Прививка... Видите след от прививки?

Я утвердительно кивнул головой.

– Так вот, если вы не знаете, то следа от прививок у людей старше сорока лет нет. Их просто напросто раньше не делали.

Это звучало правдоподобно, но все равно верилось с трудом.

– Хорошо, мистер Лири, я вам верю, но ничем помочь не могу. Вчера пришел один посетитель и купил книгу.

– И за какую сумму, если не секрет?

Мне было стыдно говорить ему правду, и я соврал.

– За сто долларов.

Старика, казалось, не особо взволновал мой ответ. Он оперся обеими руками о свою трость и сказал:

– Вы не подумайте, что я пришел за деньгами. Я не особо в них нуждаюсь. Если бы не вчерашние события, то вы меня, скорее всего, больше и не увидели бы.

– А какие произошли события, – спросил я, насторожившись.

– Какие события!? Катастрофические! Я каждый день просыпаюсь в половине шестого, потому, что вообще плохо сплю, и иду за газетой в ближайший киоск. Так вот сегодня я прочитал, что из Городского музея вчера выкрали страницу из моей бывшей книги.

– Не может быть! – воскликнул я, стараясь сделать изумленное выражение лица.

– Так оно и есть. Вы думаете это совпадение?

– Понятия не имею.

– Я думаю, что нет. Есть опасность, что книга нашла свою страницу и теперь могут начаться ужасные события.

Мне не совсем было понятно, что старик имеет ввиду, но нужно было что-то говорить и я задал вопрос:

– Что вы понимаете под ужасными событиями?

– Что я понимаю? Я вам скажу. Сам не знаю, почему я с вами так разоткровенничался, но вы внушаете мне доверие. Что-то в вас есть такое.

– Спасибо за доверие.

– Не стоит. То, что я вам сейчас расскажу, я не рассказывал даже своей жене. Я, вообще никому об этом не говорил, но теперь мне уже все равно. У меня больше нет сил, в одиночку с этим бороться.

– Бороться с чем?

– С проклятием.

– С каким проклятием?

– Как с каким!? С проклятием книги.

Мне, наверное, стоило дослушать до конца, так как я абсолютно ничего не понимал.

– Книга – совсем не книга. То есть она выглядит как книга, но она, скорее всего, нечто несущее огромную силу. И вырванная страница это все равно как недостающая деталь в механизме. Она не может работать, если чего-то в ней не хватает. Мой дед сначала нашел книгу, а страницу обнаружил намного позже. Он, вообще, не любил много рассказывать и я не знаю, как ему удалось все это заполучить. Когда я был совсем маленьким, дед был очень бодрым и веселым, но после одной из экспедиций он вернулся сам не свой и оставался таким до самой смерти. Любил закрываться в своем кабинете и не выходил оттуда по несколько дней. Я думаю, это все из-за книги.

– Но почему он отдал страницу в музей?

– Этого я не знаю. Только однажды он сказал мне, что ни в коем случае нельзя собирать книгу воедино.

– Но, если эта книга такая страшная, то почему он просто ее не спалил в огне или не порвал?

– Что вы? Чтобы дед уничтожил что-нибудь из своей экспедиции!? Это нонсенс. Он любил свои черепашки и камушки больше, чем семью. Он не жалел никаких денег на всякую всячину. Видели бы вы его комнату. По ней нельзя было нормально пройти. Хорошо, что он хоть часть подарил музею.

– Но почему, тогда вы не уничтожили книгу?

– Я ведь поклялся ему оставить все в целости и сохранности.

– А вы уверены в том, что именно книга причина всех ваших бед?

– Конечно. А что же еще?

– Допустим. А о каком проклятии идет речь?

– Тут начинается самое главное. Однажды, уже после смерти деда, я перебирал его бумаги и наткнулся на один дневник, куда он записывал свои заметки. Этот дневник – очень любопытная вещь. Там столько всего интересного, что запросто можно писать учебник для школы. И в нем я вычитал нечто особенное. Однажды дед был на Востоке и искал какой-то потерянный город. Он любил такие штуки. Ничего особенного его экспедиция долго не находила, но в один прекрасный день он все-таки наткнулся на какие-то развалины, стены которых были исписаны непонятными знаками. После возвращения домой, дед нашел каких-то людей, которые по его записям смогли перевести написанное. Оказалось, что на тех стенах была выгравирована история шумерской цивилизации от ее создания до падения. В одном месте ему довелось обнаружить информацию о носителе силы или о чем-то в этом роде. Я точно не помню. Там все очень туманно описывалось, но я сделал вывод, что эта книга и есть та сила, о которой шла речь в дневнике. Кроме того, дед написал, что этот носитель всегда несет за собой смерть и отнимает силу у того, кто ее держит у себя. И в одном месте он выделил красным цветом следующую запись. В ней говорилось, что носитель создан так, чтобы быть всегда в состоянии готовности. Кто-то очень давно нарушил целостность носителя, и он теперь ищет свою частичку, чтобы снова стать страшной силой. Поэтому, никогда нельзя соединять его воедино. Ну, разве это определение не подходит к книге?

– Да. Пожалуй, вы правы. Но, все равно, трудно в это все поверить.

– Я вас прекрасно понимаю. Это похоже на сказку. И, если бы не мое нынешнее состояние, я и сам подумал бы, что это все только легенда.

Воцарилось молчание. История была невеселой. Если все это правда, то перспектива вырисовывается не радужная. Меня вывел из раздумий голос старика:

– Послушайте, мистер Робески. Если вам что-либо известно о покупателе книги, то обязательно пойдите в полицию.

– Зачем? В чем его вина?

– Может и ни в чем, но я в это не верю. Подумайте сами. Я приношу вам книгу, и в тот же день грабят музей. Вот только я, никак не могу взять в толк, откуда ваш покупатель узнал о книге?

Старик пристально на меня посмотрел, и я опустил глаза. Запахло жареным. Если полиция напряжет мозги и увяжет вместе эти два события, то мне придется как-то выкручиваться. Тем более, меня видели в музее, и знают мое имя.

– Это был мой постоянный клиент. Он почти каждый день заходит ко мне и часто покупает книги. Я не знаю, где он живет. Я думаю, это чистая случайность, что он пришел ко мне именно в этот день.

– Может и так, но если это ваш постоянный клиент, то вы должны знать его имя.

Старик явно был молод душой. Он моментально сопоставил все факты и раскусил меня.

– Конечно, я знаю его имя.

– Так пойдите в полицию, пока не поздно.

– Да, наверное, вы правы. А что, если этот человек ни в чем не виноват? Вы представляете, что он обо мне подумает?

Старик понимающе кивнул головой и сказал:

– В этом я с вами согласен. Но опасность намного выше, чем чувства этого человека. Если он не замешан в музейной краже, то перед ним обязательно извинятся.

После этих слов старик поднялся и заковылял к двери. Я не стал его удерживать. Мне казалось, что ему было все известно. Или он что-то подозревал. Не прошло и суток, а вокруг этой книги уже столько произошло. Но зато теперь я знал точно, что книга действительно непростая. И мне еще больше захотелось дальнейшего развития событий. То, о чем я втайне мечтал, начинало сбываться.

Глава 5

Вечером мне позвонил Стен, и мы договорились встретиться с ним у Свенсена в десять часов.

Оставшееся время я посвятил тому, что ввел отца в курс всех дел и передал ключи от магазина. В полицию я, конечно, не пошел. Удивительно, но по поводу кражи в музее никто ко мне до сих пор не приходил. Возможно, профессор забыл мое имя. Или еще придут? Этого мне совершенно не хотелось. Меня терзало неприятное чувство, что я вляпался во что-то нехорошее. Не хотелось осознавать себя соучастником преступления, хоть оно и было совершено во благо всего человечества. Или это только слова? Как бы то ни было, отступить назад мне не хотелось. Напротив, я начал считать часы до таинственной разгадки нашей тайны. Чем ближе приближался момент истины, тем нетерпеливее я становился. Перед самым закрытием магазина, я уже не мог найти себе места и метался по магазину как одержимый, чем очень удивил отца.

Наконец, настало время отправиться к Свенсену. Я пожал руку отцу, поцеловал Алию и вышел на улицу. Особых сцен прощания мы не устраивали, так как я мог запросто сегодня вернуться назад, и на этом все могло закончиться.

Было темно. Я медленно шел по городу, погруженный в раздумья. До дома Свенсена оставалось всего пол квартала, как кто-то меня окликнул по имени. Я замер на месте. Это был голос мистера Лири. Он что, следил за мной? Я повернулся на голос и увидел этого старика, стоящим в плаще и с небольшим саквояжем в руке.

– Поздно вы гуляете, мистер Робески. Любите вечерний город?

Что ему нужно? Зачем он пошел за мной?

– Да. Очень люблю. Но сейчас я иду по делам.

– Извините, что я вас задерживаю, но у меня к вам серьезный разговор.

– Что же... Пару минут у меня есть.

– Тогда, не угодно ли вам будет присесть на скамейку? У меня быстро устают ноги.

Мы сели на ближайшую скамейку под фонарным столбом и я изобразил на лице готовность выслушать старика, показывая, что очень спешу и не намерен долго здесь находиться.

– Мистер Робески, я только прошу вас, меня не перебивать. Даже если вы будете с чем-то не согласны. Так будет быстрее.

– Хорошо, мистер Лири, я вас внимательно слушаю.

– Начну с того, что мне действительно тридцать пять лет. Чуть позже я покажу вам свой паспорт. Он у меня с собой. Так вот. Мне тридцать пять лет, но я похож на дряхлого старика. Знали бы вы, как тяжело мысленно ощущать себя молодым, а иметь умирающий организм. Я ведь ненамного старше вас. И видел в своей жизни не больше вашего. Вы должны меня понимать. Попробуйте, пожалуйста. Эта проклятая книга забрала у меня молодость, забрала мою семью и скоро сведет меня в могилу. За те годы, что книга была у меня, я понял, что каждый, кто к ней так или иначе имел отношение, становится связанным с ней невидимой нитью. Вчера, когда я принес вам книгу в магазин, я прекрасно понимал, что она сыграет свою роль и в вашей жизни. Поверьте, я не желал вам зла, но мне стала так ненавистна эта вещь, что я не знал, куда ее деть. И мне пришло в голову, что я не оскорблю памяти деда, если ее купит какой-нибудь любитель почитать. Это можно назвать эгоизмом. Но я вас уверяю, эта книга – действительно неподъемный груз для любого человека. Несколько раз я хотел бросить ее в камин, но не решался. В конце концов, она попала к вам. Вы не подумайте, что я на что-то намекаю. Отнюдь.

Мне пришлось перечитать все дневники деда, и я узнал, что могу вернуть себе нормальный облик. Есть способ. До сегодняшнего дня я и не надеялся на это, но теперь у меня появился шанс.

– О каком способе вы говорите?

– В записях деда говорится, что книга может вернуть мне мои силы, если этого захотят ее создатели.

– И как это сделать?

– Только встретившись с аннунаками.

Я молчал. Этому человеку многое известно. Он читал дневники своего деда и тоже знаком с легендами шумеров. Значит, он тоже искренне верит в возможность попасть в страну Нибиру.

– А как можно с ними встретиться?

Мистер Лири загадочно улыбнулся и ответил:

– Прочитав определенное слово на их языке.

Мне казалось, он водит меня за нос. Что мне оставалось? Сказать ему всю правду?

– А почему же вы этого не сделали раньше?

– Я не знаю этого языка. И не встретил никого, кто смог бы мне помочь. Да и страницы у меня не было.

– Понятно. Но я ведь тоже не знаю этого языка.

– Но, может вы, знаете кого-то подходящего?

При этих словах старик перестал улыбаться и стал с надеждой смотреть на меня.

Отпираться дальше не было смысла. Даже ребенок мог бы провести параллели между появлением книги в моем магазине и кражей в музее. Действительно, все сходилось на мне. Но я хотел найти какое-то оправдание своему поступку. Мне не хотелось быть вором в глазах старика.

И я ответил следующее:

– Мистер Лири, есть вещи, которые трудно объяснить. Вы умный человек и я попытаюсь вам ответить. Видите ли, я действительно знаю местонахождение книги, и люди, которые имеют к этому отношение, никакие не преступники. Просто бывают ситуации, когда во имя хорошего, приходится делать что-то плохое. Мои добрые знакомые честно хотят помочь всем людям и верят, что книга обладает бесценными знаниями, которые пригодятся человечеству. Вот почему я не хотел вам говорить правду. Это слишком сложный вопрос.

Старик взял меня за руку и с трепетом сказал:

– Что вы?! Я ни секунды не осуждал вас. Разве я сказал, что те, кто выкрал страницу, негодяи? Нет. Я лишь пытался донести до вас, что книга очень опасная. Нельзя бездумно приводить ее в действие. Ее сила нам неизвестна. Я сам виноват в том, что так произошло. Мне не следовало ее отдавать вам. Теперь я несу полную ответственность за то, что может случиться. И если вы и ваши друзья хотите принести пользу людям, то я могу вам пригодиться.

Я подумал о том, что помощник из старика будет никакой. Скорее обуза. Но отказывать ему я не мог. Ему все было известно. Что же делать? Как объяснить Стену и Свенсену появление этого человека? Придется взять его с собой и надеяться, что они все поймут.

– Хорошо. Я сейчас как раз иду к ним. Если хотите, то пойдемте вместе. Здесь недалеко.

Мистер Лири обрадовался и вскочил со скамейки с несвойственным ему задором.

– Конечно! Хоть сейчас готов идти. Видите, я, и вещички с собой захватил.

Мы пошли дальше и скоро поднялись к Свенсену. Мистер Лири довольно бодро преодолел подъем по лестнице, но я видел, что это для него оказалось нелегким заданием.

Дверь открыл Стен. Мы вошли и увидели, что комната Свенсена почти опустела. Он, как и планировал, вывез все вещи, и теперь оставалась только скудная мебель. Нужно было сразу представить своего спутника, и я сказал:

– Это мистер Лири, бывший хозяин книги.

После этих слов к нам подскочил Свенсен и подозрительно посмотрел на старика.

– А что вам нужно?

Мистер Лири прокашлялся и тихо ответил:

– Не волнуйтесь. Я не за книгой пришел. Но мне известна ее ценность. Это мой дед привез ее в Чикаго. И страницу тоже.

– Это понятно, но что вы хотите?

– Я хочу, чтобы вы взяли меня с собой.

– Куда?

Я подумал, что самое время немного все разъяснить и вступил в разговор:

– Успокойтесь, пожалуйста, мистер Свенсен. Мистер Лири знает все о музее и хочет нам помочь.

– Что он знает о музее?

– Все. И больше всех пострадал от книги.

– Как это?

– Вы не поверите, но ему всего тридцать пять лет.

Свенсен и Стен раскрыли рты от изумления.

– Майк, ты в своем уме?

– Да, я в порядке. Мистер Лири, покажите, пожалуйста, свой паспорт.

Старик полез во внутренний карман плаща и вынул оттуда документ.

Свенсен посмотрел на фотографию молодого мужчины в паспорте и перевел взгляд на мистера Лири.

– Да. Похоже, это вы. Но как такое может быть?

– Это все проклятая книга. Она забрала у меня мою молодость. Я слишком долго держал ее рядом с собой. Вот и сейчас я чувствую, что она совсем рядом. У меня начинает болеть сердце.

Я усадил старика на кровать, а сам уселся на стул.

– Вот такие дела. Мы имеем дело с чем-то непонятным. Поэтому, пока не поздно можем передумать и уничтожить книгу.

Тут Стен замотал головой в стороны и горячо произнес:

– Ни за что я не упущу такую возможность. Я не передумаю.

– А вы, Свенсен, что теперь скажете?

– А что я могу сказать после того, как ограбил музей и свез все вещи за город? Мне уже некуда отступить.

– Я также уже здесь и даже попрощался с родными. Ну, а мистер Лири сам нас для этого нашел. Значит все в силе. С чего начнем? Может нам надо как-то подготовиться? Или взяться за руки?

Свенсен закурил сигарету и увалился на свой любимый диванчик.

– Нигде я не встречал описания ритуала, как попасть в страну Нибиру. Поэтому, предлагаю, во-первых, просто открыть книгу и приклеить обратно страницу.

– А вы уверены, что сегодня именно такой день?

– Уверен. Я перевел шумерский календарь, сравнил его с нашим, и получил эту дату.

– А время, должно быть какое?

– Этого я не знаю. Давайте это сделаем, например, в полночь.

Никто не был против, и Свенсен вытащил из-под дивана книгу. Мистер Лири с горечью на нее посмотрел и отвернулся в сторону. Мы открыли книгу на последней странице и

осторожно приклеили оторванный кусок обратно. Получилось очень даже неплохо. Места склеивания почти не было видно. Но нашему удивлению не было предела, когда мы увидели, что страница стала единым целым. Как будто ее никто и не вырывал. Мне показалось, что в комнате резко начала подниматься температура. Становилось очень жарко. Вскоре это заметили все и начали снимать верхнюю одежду.

– Температурный оптимум... – загадочно прошептал Свенсен и дотронулся до страницы.

– Что это значит? – спросил я, не спуская глаз с книги.

– Приближение двойной системы Сириуса к Солнечной системе. Идеальные условия для Нифилимов.

– Какие условия? – спросил Стен.

– Для того, чтобы посетить Землю.

Нам стало понятно, что дальше лучше не расспрашивать, и мы стали ждать дальнейших событий.

Тем временем книга становилась горячей. Деревянный журнальный столик, на котором она лежала, начинал дымиться и Свенсен вылил на него стакан воды.

– Вот это да! – прошептал мистер Лири и приблизился к нам. – Она нагрелась!

Все молчали, ожидая, что же произойдет дальше. А дальше произошло невероятное. Страницы показались нам толще, чем обычно и превратились в единую шевелящуюся массу. Это было похоже на густой кисель, который начинает закипать на плите. И эта масса начала тянуть нас к себе. Она не то, чтобы пыталась поднять нас со своих мест, но как бы забирала из нас самое ценное. Я не мог определить, чего лишался, но меня не покидало ощущение, что отдавать это ни в коем случае нельзя. Свенсен, видимо, тоже это почувствовал и, схватив в руку трость мистера Лири, захлопнул книгу. Сразу наступило облегчение.

Все сидели вспотевшие и никто ничего не говорил. Наконец, Стен первым решил нарушить молчание.

– Вот это да! Я почувствовал себя как мошка в лапах паука.

– Да, – задумчиво произнес я. – Еще ничего не сделали, а уже пострадали. Книга и в самом деле необыкновенная.

– А я вам что говорил? – сказал Свенсен. – Это только цветочки.

– Может, не будем ее больше открывать? – осторожно предложил мистер Лири и посмотрел на всех нас. – Еще одного такого сеанса я могу не выдержать. У меня, кажется, поднялось давление.

Свенсен с осуждением взглянул на старика и сказал:

– Вам с вашим здоровьем следовало бы держаться отсюда подальше.

– Нет. Это мой последний шанс вернуть себе силы. Просто я прошу больше не открывать книгу. По крайней мере, пока.

– Хорошо. Я думаю, это необязательно. Смотрите, уже не так жарко.

И в самом деле, в комнате стало намного комфортней. Я осторожно дотронулся до книги и почувствовал, что она уже не такая горячая.

– Остывает, – сказал я. – Наверное, мистер Лири прав. Лучше обойтись без экспериментов и сказать заклинание над закрытой книгой.

– А если так не получится? – спросил Стен.

– Ну, если не получится, то придется ее обратно открыть, – ответил Свенсен. – Пока у нас есть немного времени, я могу вам еще кое-что рассказать.

Свенсен закурил очередную сигарету и начал говорить:

– Если верить шумерам, то Нифилимы обладают мощным оружием. Чем-то наподобие наших лазеров. И возможно, они передвигаются на космических кораблях. И вообще, ведут себя как боги.

– А обязательно нам попадать в Нибиру, чтобы воспользоваться секретами книги? – перебил его Стен.

– Конечно. Вы же видите, что мы не знаем, как с ней обращаться. В какой-то момент мне показалось, что это уже и не книга вовсе, а какой-то кипящий котел.

– Это не книга, – вступил в разговор мистер Лири.

– А что же это?

– Носитель силы. Все то, что знают аннуаки. Эта вещь имеет внеземное происхождение. Об этом еще мой дед писал.

– Но почему тогда этот носитель выглядит как книга?

– То, что мы понимаем под словом «книга» – это всего лишь одна из форм, в которую была заключена сила. Позже эту форму люди приняли как единственно правильную для хранения своей информации. В каком виде аннуаки представили нам свой носитель, в таком виде мы и решили записывать все, что знаем. Уверен, что если бы носитель был заключен в форму похожую, например, на кувшин с цветами, то люди приняли бы и такое решение.

Мистер Лири, действительно, был интересным человеком. Он обладал способностью смотреть на все с разных точек зрения и здраво рассуждал. К сожалению, он был слаб физически.

– Что еще писал ваш дед? – с интересом спросил у него Свенсен.

– Много чего. Он писал о появлении первого человека на земле.

– Это был Адам?

– Не совсем так. Слово «Адаму» – собирательное. На шумерском языке это означает Землю. То есть, разумных существ, населяющих нашу планету.

– Но ведь это полностью противоречит Библии.

– Почему?

– Ну, как же... Бог на седьмой день создал человека и поселил его в Эдемском саду...

– Все верно. Так и было. И из ребра Адамова создал женщину.

– Я вас не понимаю, мистер Лири.

– А вы вспомните, сколько лет тогда жили люди? Шестьсот. Восемьсот. Девятьсот. Это можно прочитать в Ветхом Завете. И если внимательно читать, то есть упоминания о том, что люди тогда были высокого роста и отличались отменным здоровьем. Почему?

– Не знаю.

– Ответ на это есть в шумерских сказаниях. Первое время аннуаки добывали золото в Африке сами. Они были довольно долгоживущими, и им надоело этим заниматься всю свою жизнь. Тогда они взяли ДНК одного из своих и, сделав некоторые коррективы, связанные с особенностями нашей планеты, создали себе рабочую особь, которая беспрекословно им подчинялась и понимала поставленные задачи.

– А как же Ева?

– Ева была создана после того, как Адам доказал свою пользу. Была взята самка примата, наиболее близкого к человеку по развитию и было взято вещество из ребра Адама для скрещивания. Получилась раса, способная к самовоспроизводству. Видите, Библия говорит только правду. В ней нет подробностей всех событий, но все остальное – чистая правда.

– Звучит убедительно. Но ведь есть еще змей, который дал Еве яблоко.

– Здесь все однозначно. Посмотрите на шумерские рисунки. На некоторых из них изображены переплетенные змеи. Как вы считаете, что это?

– Модель ДНК, – прошептал я, пораженный услышанным.

– Вот именно.

– Но почему тогда шумерская цивилизация погибла? – не сдавался Свенсен.

– Потому, что пересекающая планета погибла. Какой-то катаклизм. Я думаю, это огромный метеорит. Сейчас все астрономы знают, что между Марсом и Юпитером нахо-

дится поток обломков, который как раз сейчас более всего приближен к Земле. Этот поток движется по своей орбите, напоминая планетарную. Пересекающая планета погибла, а аннунаки, которые уже находились на земле, со временем умерли. Люди получили свободу. Но они не знали, что с ней делать. И начались войны. Шумерское царство постепенно раскалывалось на части, и было разрушено. Произошло то, что должно было произойти.

– Но... Книга... Как она сохранилась?

– Это выше нашего понимания. Мы слишком мало умеем и знаем, чтобы это понять.

Но есть одна интересная вещь.

– Какая?

– Аннунаки обладали способностями, о которых мы можем только мечтать. Они могли переходить грань действительности и заставляли работать на себя неизвестные нам силы.

– А можно поконкретнее?

– Я такой же, как и вы, и могу только догадываться, но дед писал, что все это в будущем сможет объяснить математика.

– Как вы думаете, ваш дед случайно нашел книгу?

– Не знаю. Но она блуждает.

Я уже во второй раз слышал эти слова. По-видимому, в них был свой, особый смысл.

– Вы хотите сказать, что книга живет своей жизнью? – спросил я у Лири.

– В нашем понимании – да. Но мне кажется, что она создана таким образом, чтобы приносить своим создателям пользу и служить защитой...

– Позвольте, мистер Лири, – перебил его Стен. – Но если мы с вами запросто можем вырвать страницу и бросить ее в печку, то это как-то странно выглядит.

Мистер Лири задумался. Видимо, это не приходило ему в голову раньше. Но его замешательство продлилось всего каких-то нескольких секунд.

– А вы попробуйте это сделать.

Стен дернулся было в сторону книги, но вовремя остановился. Действительно. Открывать книгу ему не хотелось.

– Вот видите. Когда книга была неполной, мы запросто могли листать ее без всякого вреда, но когда она в сборе, нам даже не хочется ее трогать.

– Тогда возникает вопрос. Кто тот ненормальный, который осмелился вырвать последнюю страницу? – спросил я.

– Это тот, кто умеет с ней обращаться.

– Аннунак? – смело предложил Стен.

– Вполне возможно, – ответил мистер Лири. – Давайте подумаем вместе. Если из книги была вырвана последняя страница, то, что это может означать?

– Что? – хором спросили все мы, поддавшись общему порыву.

– Подумайте хорошенько. Что на последней странице, мистер Свенсен?

– Нифилимский алфавит..., – медленно ответил Свенсен и хлопнул в ладоши. – Браво, мистер Лири! Вы самая светлая голова, которую я когда-нибудь встречал. Это ведь все объясняет!

– Объясняет что? – спросил я.

– Все очень просто. Тот, кто вырвал страницу, не хотел, чтобы люди смогли прочитать книгу. В ней содержится слишком могучая сила, чтобы отдать ее в наши руки. Нифилимский язык отличается от шумерского. Этот кто-то хотел позаботиться о нас. Мы не настолько готовы, чтобы совладать с такими знаниями!

– Мистер Свенсен, – продолжил я. – Почему тогда страницу не уничтожили?

– Ответ на это, мистер Робески, я и сам хотел бы знать. Есть факт того, что книга нашла свою недостающую частичку. И как это ни прискорбно говорить, но мы всего лишь пылинки в этом деле. Мы выполняем свое дело и думаем, что поступаем по собственной воле.

Мистер Лири замолчал. Услышанное полностью меняло наше мировоззрение. Неужели мы исполняем свои роли в ранее кем-то, задуманном спектакле? Мы сделали свое дело и собрали воедино книгу. Мы с минуты на минуту готовы будем прочитать заветное слово, не зная даже, что нас ждет дальше. В чем истина? Где, правда?

У меня возник еще один важный вопрос.

– Если шумерские сказания говорят о том, что при помощи носителя мы можем попасть в страну Нибиру, то значит ли это, что мы попадем в прошлое?

Я поймал взгляд Стена, который, кажется, находился в полном замешательстве.

Мистер Лири вздохнул и ответил:

– Вы слишком много от меня хотите, мистер Робески. Я говорю вам только о своих умозаключениях. Я сказал бы так. Если книга перенесет нас куда-то, то это будет, скорее, параллельный мир, чем прошлое.

– Почему вы так думаете?

– Не знаю. Мне кажется, что это более вероятное развитие событий, чем путешествие назад во времени. Хотя я могу ошибаться.

– Что нас там может ожидать? – спросил Стен.

– Откуда я знаю? Я хочу только вернуть себе свои силы и все. Мне терять нечего. Если у меня ничего не получится, то это ничего не изменит. Поэтому мне абсолютно не страшно. Вот только хватило бы здоровья вынести все это.

В самом деле, сейчас Лири рисковал меньше всех. Даже Свенсен, с его пристрастием к спиртному, в случае неудачи, терял больше. По крайней мере, он мог прожить еще лет двадцать. А старик получал возможность поправить свое положение. Стен, с его бурлящим оптимизмом и тягой к тайнам, также обладал хорошим здоровьем и был обречен на долгую и веселую жизнь. Я прекрасно себя чувствовал с Алией и был доволен работой в своем магазине. Незнакомое начинало пугать.

– Через пять минут начинаем, – сказал Свенсен и я вышел из оцепенения.

Здравый смысл подсказывал мне, что не стоит ввязываться в эту авантюру. Но теперь я хотел знать правду. Если для этого мне предстояло рискнуть жизнью, то я был готов.

– Мистер Свенсен, а вы уже знаете, что будете говорить? – задал вопрос Стен.

– Да, я уже готов. Предлагаю всем положить ладонь правой руки на книгу.

Когда мы выполнили то, что он сказал, было ровно двенадцать часов. Мне передалось волнение всех присутствующих. В комнате воцарилась тишина. Ладонь Свенсена оказалась поверх моей, и я почувствовал, что она дрожит. Было видно, что он не решался произнести заветное слово. Прошла минута. Свенсен продолжал молчать. Внезапно он резко выдохнул, выпрямил спину и отчетливо сказал:

– Д-иль-мун...

Все посмотрели на него. Ничего не происходило. Книга по-прежнему была еле теплой.

– Это все? – тихо спросил я.

Свенсен поднял на меня взгляд и ответил:

– Да. Я сказал слово «Элохим» на нифилимском языке.

– А вы уверены, что правильно все сделали? – осторожно поинтересовался Лири.

– Конечно. Элохим – это бог по-арамейски, а Д-иль-мун – то же самое на нифилимском.

– Наверное, нужно все-таки открыть книгу, – сказал Стен.

Никому не хотелось этого делать, но это, видимо, было единственным способом заставить книгу работать.

– Хорошо, давайте это сделаем, – как-то странно протянул Свенсен, и мне показалось, что у него медленно закрываются глаза. Он попытался открыть книгу, но пошатнулся, и его пальцы схватили только воздух. Я инстинктивно дернулся в его сторону, чтобы спасти его от падения, но сам упал на колени, и моя голова показалась мне такой тяжелой, что я даже не

смог посмотреть наверх. Справа от меня Стен уперся рукой в стену и начал тереть рукавом глаза. Мистер Лири охнул и свалился на диван, приняв неестественную позу. Я хотел что-то сказать, но рот мой открылся, не издав ни единого звука. Мы падали на пол, как подкошенные. Комната стала какой-то расплывчатой. Предметы, которые находились совсем рядом, теперь были недостижимыми. Усилием воли я вытянул левую руку вперед, и она показалась мне неестественно длинной. Свенсен переполз в угол комнаты и там совершал какие-то бессмысленные движения руками и ногами. Он хотел подняться, но тут же валился обратно. Можно было подумать, что в нас оставили всю плоть, кроме костей и мы стали беспомощными слизняками. Внезапно у меня начала кружиться голова и я уже ничего не замечал. Мне хотелось только, чтобы картинка перед глазами остановилась, и можно было собраться с мыслями. И тут я почувствовал дикую боль. Как будто две раскаленные иглы воткнули мне в виски и от этого мое тело затряслось. Я лежал на полу и бился в конвульсиях. Воздуха катастрофически не хватало и мне показалось, что я задыхаюсь. Мне удалось лечь набок и свернуться в клубок. Так стало намного лучше, но внезапно меня окружила полная тьма. Только что, я был в освещенной комнате, а теперь я не видел даже собственного тела. Эта тьма была какой-то осязаемой. Я мог чувствовать ее плотность на ощупь. Создавалось впечатление, что и твердой поверхности подо мной уже не было. Где я? Где все остальные? Боль постепенно проходила, но я не знал, что мне делать дальше. Полная тьма. Я оперся обо что-то мягкое, похожее на песок и сделал шаг. Ноги проваливались по щиколотку в теплый сыпучий грунт. Еще два шага. Мне казалось, я двигался вниз. Вдруг я споткнулся обо что-то и упал. Послышались какие-то звуки. Это было похоже на тихий шелест прибоя. Повеяло морской свежестью. Это было мне сейчас очень нужно. Голова совершенно не хотела ничего соображать. Пространство, через которое я двигался, поддерживало меня. Идти было трудно, но своего веса я не чувствовал. Как в воде. Но это была не вода. Я был абсолютно сухим и свободно дышал. Странно было идти, не зная куда, и не видя ничего перед собой. Но удивительным было и то, что не было никакого страха. Какое-то состояние апатии и спокойствия. Как будто я попал в самое безопасное место на свете, где мне ничего не угрожает. Как в утробе матери. Тепло и надежно. Почему я не нахожусь здесь постоянно? Я ведь когда-то давно уже был здесь. Или мне это только кажется? И сколько это будет продолжаться? Мне сильно захотелось спать. Здесь было так уютно и тепло, что я захотел немного отдохнуть. Плавно засыпая, я невольно улыбнулся и откинулся назад. Мягкая темнота не дала мне упасть. Давно мне не было так удобно.

Разные образы мелькали в моей голове. Сначала это были лица знакомых мне людей, затем я увидел себя в детстве, сидящим у фонтана на площади. Следом появился Стен, который почему-то стоял на руках и смеялся. Потом я увидел двух странно одетых людей в маленькой круглой лодке, густо обмазанной смолой. Они забрасывали сеть в реку и о чем-то говорили. Внезапно существо, похожее на летающего ящера, пролетело над ними и на реке поднялись волны. Люди испугались и начали грести к берегу. Ящер сделал круг в небе и, выставив когти, понесся прямо к лодке. Послышался звук летящего копья, и оно вонзилось чудовищу в бок. Раздался громогласный рык и раненый ящер улетел в сторону берега. Эта картинка потускнела, и я увидел новую. Обширная саванна, по которой бродят тысячи антилоп и мирно пасутся. Вдруг все охватывает пламя и слышится рокот какого-то огромного механизма. Животные бросаются врассыпную, и через какое-то время я вижу силуэты людей. Они очень сильно отличаются от меня. Их рост превышает мой более чем вдвое. Их одежда золотом блестит на солнце. Лица у них продолговатые и бледные, а пальцы рук очень тонкие. Их трое. Один, самый высокий, показывает на землю под своими ногами. Секунда и эта картинка исчезает. Я опять вижу обычных людей. Они находятся под землей и через узкий проход передают друг другу кувшины с грунтом. Они очень грязные и усталые. Картинка снова пропадает. Теперь мое сердце наполняется гордостью. Из глубин Вселенной я

вижу планету. Но это не Земля. Это Нибиру. Я должен ее полюбить и всегда о ней помнить. Это наша мать. Наша?! Да, наша. И единственная. Мы все аннунаки и обязаны жить по ее законам. А вот и Земля. Все, что я знаю, я должен использовать здесь. Это мы сотворили людей и дали им знания. Мы – боги, они – рабы. Я должен помнить, кто я!

Глава 6

Я медленно открыл глаза и увидел над собой солнечное небо. Сколько длился мой сон? И почему я здесь? События прошлой ночи начали восстанавливаться в моей памяти. После того, как Свенсен произнес заклинание, все начали падать на пол и я упал. Затем эта дикая боль в голове. И эти странные сны, где я почувствовал себя другим существом из другого мира...

Вокруг меня никого не было. Я лежал на каменной плите, поверхность которой была нагрета солнцем. Рядом находились такие же плиты, но они пустовали. Это было похоже на огромный комплекс из каменных сооружений непонятного предназначения. В сотне метров от меня была расположена круглая площадка, состоящая из громадных ровных камней, плотно подогнанных друг к другу. Все обозримое пространство вокруг густо поросло высокой травой, и было видно, что эти места сейчас никто не посещает. Но как я оказался здесь? Я вспомнил плотную темноту, по которой мне пришлось идти и звук морского прибоя, но сейчас я находился в степи, и она простиралась далеко за горизонт. Если бы не эти каменные плиты, то можно было бы подумать, что и людей здесь никогда не было. Но меня больше всего волновало отсутствие моих товарищей. Неужели один я попал под воздействие книги? Но ведь я отчетливо видел, как все остальные также лежали на полу и корчились от боли. Или книга на всех действует по-разному? Мне абсолютно не хотелось оставаться в чужом мире одному. В том, что это был чужой мир я, почему-то, был уверен. Вдали находился высокий холм, и я решил подняться на него, чтобы осмотреть местность. Спрыгнув на землю, я направился по направлению к возвышенности, которая была единственной в этом месте. По моему телу ползали мелкие насекомые и заползали прямо под одежду. Мне пришлось раздеться до пояса, чтобы от них избавиться. Было очень жарко. Градусов под сорок. И если в ближайшее время я не найду воду, то буду мучиться от жажды. Солнце и вправду нещадно палило и находилось сейчас в самом зените. Я по пояс проваливался в траву и медленно приближался к холму. Мне пришлось соорудить из своей рубахи подобие головного убора и этим самым я смог защитить голову от высокой температуры. Странно, что в таком жарком климате смогла вырасти такая буйная растительность. Видимо, ночью здесь по – прохладней, чем днем, и наутро образовывается обильная роса, которая и питает всю эту траву. Наконец, я добрался до подножия холма и стал карабкаться вверх. Нелегкое это было дело. Через несколько минут я совершенно выбился из сил и улегся прямо на землю, чтобы немного отдышаться. Меня полностью скрыла трава, и ее приятный запах окутал меня со всех сторон. В небе порхали мелкие птички и, то и дело, ныряли вниз, издавая веселое чириканье. Дул легкий ветерок и со своей высоты я увидел зеленое море травы, колыхающееся волнами по степи. Каменная площадка издали казалась совсем маленькой, чем была на самом деле. Кто ее построил? И для чего? Сколько нужно было потратить сил, чтобы притащить сюда эти громадные плиты и расчистить для них место?! Ничего, похожего на скалы, я не видел. Значит, все эти камни были доставлены сюда издалека. Какой в этом смысл? Здесь нет ни дороги, ни чего-нибудь похожего на нее. Или она была раньше? Но тогда, сколько же прошло времени, чтобы природа смогла скрыть все следы деятельности людей? Внезапно страшная мысль пришла мне в голову. А что, если я попал в совершенно безлюдное место?! Как же в этом случае, я выберусь отсюда? У нас не было плана по обратному возвращению назад. Мы целиком полагались на книгу. Но теперь у меня книги нет. Даже если бы она была, то без Свенсена я ничего не смогу сделать. Один он разбирается во всех этих шумерских премудростях и понимает их язык. Невеселая вырисовывается перспектива. А если добавить сюда то, что у меня нет ни воды, ни еды, ни малейшего понимания, где я, то шансы на благополучное возвращение домой, равны нулю. Но и просто так сидеть на месте мне не хотелось.

Я уже хотел было встать на ноги, как вдруг краем глаза ощутил какое-то движение у себя над головой. Инстинктивно я прижался к земле и это меня, возможно, спасло. Скрытый травой, я оставался невидимым для посторонних глаз, но сам мог отчетливо все видеть. И то, что я увидел, заставило мое сердце замереть от ужаса. Высоко в небе, расправив огромные крылья, парило какое-то чудовище. Его острые когти и пасть, утыканная клыками, говорили о том, что это существо травой явно не питалось. Я сразу подумал, что это дракон. А кто же это еще? Черно-зеленое туловище все в колючих шипах, остроконечный хвост, извивающийся во все стороны, большие красные глаза, холодно смотрящие на все вокруг и выискивающие внизу очередную жертву и пар, вырывающийся из ноздрей. А размеры этого монстра! Сейчас он находился в двух сотнях метров надо мной, но и с такого расстояния я мог составить впечатление о его габаритах. Его голова была размером с небольшой автобус, а размах крыльев был не менее тридцати метров. Хвост был еще длиннее. Какую нужно иметь силу, чтобы поднять такое многотонное тело в небо?! Дракон с легкостью выполнял плавные движения крыльями и, казалось, не испытывал ни малейших затруднений с нахождением на такой высоте. Его даже можно было назвать грациозным, если бы не раздутое брюхо, которое тряслось в такт его движениям и могло вместить в себя, наверное, с десятков коров. Прокормить такое чудовище, наверное, задача не из легких. Пару тонн мяса в день ему должно было хватать. Хотя этот дракон может быть и не самым большим. И в таком случае, человек у него не должен вызывать аппетита. Но все дело в количестве. Поэтому я не рисковал подниматься из травы и продолжал наблюдать за ним из своего укрытия. Чудовище немного снизилось и, как мне показалось, направило свое внимание на что-то за холмом. Я, конечно, не мог ничего увидеть за своей спиной, так как до вершины холма оставалось еще не менее двадцати метров, и мой обзор был ограничен. Дракон завис в воздухе и оставался в таком положении несколько секунд. Вдруг он резко взмахнул своими крыльями и стрелой понесся вниз. Через считанные мгновения я потерял его из вида, зато вскоре услышал яростное рычание и какое-то жалкое блеяние, которое быстро закончилось. Охотник выследил свою цель. Холодок пробежал по моей спине при мысли об участи несчастного животного, находящегося в когтях этого чудовища. Разве может быть шанс на спасение, если попасть в лапы к этой громадине? Ответ был ясен. Теперь, когда дракон был занят поеданием своей жертвы, я мог закончить подъем на холм. Не осмеливаясь подниматься в полный рост, я осторожно пополз вверх на коленях, не видя перед собой ничего, кроме высокой травы. Наконец, я добрался до вершины и медленно высунул голову из зарослей, чтобы осмотреться. И смотреть было на что. Впереди меня, на расстоянии около километра, находились жилища людей. Это походило на небольшой поселок или временную стоянку, состоящую из однотипных шалашей, собранных из сухой травы и связанной в снопы. Но самое главное, я увидел широкую реку, на которой сновали маленькие круглые лодки и люди в них занимались рыбной ловлей. Что-либо рассмотреть на таком удалении было трудно, но я заметил домашних животных, похожих на наших буйволов, только с длинной шерстью и большими острыми рогами на голове. Они паслись в стаде, но некоторые из них забрели очень далеко, и одно животное досталось дракону, который сейчас жадно его пожирал, громко чавкая и утробно урча. По сравнению с драконом, буйвол казался маленьким котенком, хотя и сам был размером с легковой автомобиль. Люди в деревне не могли не видеть, что произошло с их скотиной, но что они могли поделать? Вступить в бой с этим чудовищем было бы настоящим безумием. И расстояние, которое нужно было бы преодолеть от деревни до дракона было внушительным. Буйвол был уже почти съеден. Чудовище заглатывало мясо большими кусками, и я отчетливо слышал хруст костей бедного животного, доносящийся из пасти убийцы. Место пиршества было залито кровью и на ее запах начали слетаться голодные стервятники, которые трусливо кружили недалеко от дракона и пока не решались отхватить для себя кусочек плоти, оставшейся от буйвола. Я боялся пошевелиться. Дракона, явно, не могло удовлетворить то

количество мяса, которое ему досталось, и я мог послужить добавкой к его трапезе. Более страшную смерть представить было трудно. Солнце продолжало нещадно палить и моя кожа начала краснеть от ожогов. Кровососущие насекомые начали мне серьезно докучать, но я не осмеливался делать резких движений, чтобы не привлечь к себе внимание дракона. Нужно дождаться пока он улетит и попытаться незаметно пробраться к людям. Сейчас я был готов попасть в руки к любому дикарю, лишь бы избежать когтистых лап летающего монстра. И в самом деле, вскоре дракон закончил еду и, сделав пару шагов, взлетел вверх, направившись к реке. Через несколько секунд на его место слетелись падальщики и яростно набросились на останки буйвола. Они дрались и клевали друг друга, пробивая себе путь к еде, и вскоре эта картина превратилась в копошащуюся массу из измазанных кровью перьев и резких прерывистых криков, доносящихся из зловонных глоток стервятников. Мне было противно на это смотреть. Беспощадные пожиратели мертвечины, не брезгующие ничем, ради насыщения своих животов. Но мешкать было нельзя. Пока дракон пил воду из реки, я мог пробежать расстояние до людей, скрываясь в траве. Не думаю, что он меня заметит. Я слишком мал для него и оттуда, где он сейчас находился, увидеть меня было трудно. Пригнувшись, я начал спускаться с холма. Двигаться в густой траве было нелегко, и я несколько раз упал прежде, чем смог пробежать половину пути. Дерущиеся стервятники на миг прервали еду, увидев меня, но затем вернулись к своему занятию. Я пронесся мимо них и вскоре находился на одной линии с драконом, который продолжал пить воду. Это место было достаточно открытым и сейчас не было смысла наклоняться к земле. Трава заметно поредела, и я был виден как на ладони. По всей видимости, растительность под моими ногами была выедена буйволами, и это было их пастбищем. Может, стоило дождаться того момента, пока дракон совсем улетит, но что-то мне подсказывало, что он постоянно здесь крутится, держась возле своей ежедневной добычи. Слишком много костей валялось на земле вокруг и это наводило на определенные мысли. Но как люди терпят такое соседство? Или потеря своих животных – это необходимая и вынужденная дань, чтобы не быть самым съеденными? Не хотел бы я такой жизни. Но факт оставался фактом. Дракон охотился в отдалении от деревни и к ней не приближался. Может он боится? С трудом верилось в то, что можно его победить. Здесь копья и луки не помогут. Здесь нужна, как минимум, пушка, а ее, как я понимал, у жителей деревни быть не могло, если судить по их способу жизни. Но сейчас и об этом думать не хотелось. Как мне показалось, люди в деревне меня заметили. Несколько человек остановилось, и один из них показывал на меня пальцем. Теперь мне оставалось преодолеть каких-то двести метров и я, собрав оставшиеся силы, прибавил скорость. Сердце мое бешено билось, и готово было выскочить из груди. Внезапно я услышал за своей спиной какой-то шум и оглянулся. За мной гнался дракон. Он быстро махал крыльями и от этого поднимался ветер. Силы были неравны. За один взмах он преодолевал по пятьдесят метров, и теперь ему оставалось несколько секунд, чтобы догнать меня. К своему ужасу, я споткнулся, и кубарем покатился по земле. Подниматься было бессмысленно. Дракон приземлился рядом со мной, и я оказался между его лап как в ловушке. Это был настоящий исполин. Я как букашка, по сравнению со слоном, лежал на спине и ждал скорой развязки. Его громадная морда приблизилась ко мне, и я ощутил жар, вырывающийся из его ноздрей. Он обнюхивал меня. Я дрожал всем телом. Два огромных клыка торчали из его верхней челюсти и были по два метра в длину. Этими клыками он смог бы в мгновение ока разорвать любое живое существо и никто не смог бы ему помешать. Удивительное по своей мощи создание. И я, к сожалению, попал к нему на обед. Сейчас я хотел только одного. Я хотел, чтобы мои мучения закончились как можно быстрее. Это чудовище без труда проглотит меня целиком, и я могу надеяться только на быструю смерть. Закрыв глаза, я не шевелился. На мое лицо из пасти дракона капала слюна. Он тихонько рычал и продолжал меня обнюхивать. Боже, сколько же это будет продолжаться? Но вдруг я услышал человеческие голоса. Мне это показалось или,

это правда? Сюда направлялись люди. Неужели меня попытаются спасти? Но как? Как они собираются отобрать у этого чудища его добычу? Если это так, то это очень смелые люди. Я открыл глаза. Дракон по-прежнему высился надо мной, но теперь он смотрел в сторону. Ко мне приближалось двое мужчин. В руках у них не было ничего, похожего на оружие. Они что, с голыми руками собрались сразиться с драконом? Я ничего не понимал. Через минуту они остановились возле меня, и один из них что-то крикнул дракону и махнул рукой в сторону. Дракон взмахнул крыльями и поднялся вверх. Меня снова обдало горячим воздухом. Неужели это чудовище послушалось человека и не съест меня?! Но так и было! Дракон поднялся высоко в небо и улетел в сторону холма. Там он приземлился и стал бродить по траве, абсолютно не обращая на нас внимания. Но на этом мое удивление не прошло. Один из мужчин подал мне руку и помог встать. Он заговорил со мной, и мне стало понятно, о чем он меня спрашивает! Я понимал его язык! Но как такое может быть! Или это все книга?..

– Кто ты такой и куда идешь? – спросил у меня этот человек. Выглядел он совершенно непривычно. Густая борода скрывала его лицо, а на голове находился причудливый колпак из кожи. Ростом он был немного ниже меня, но коренастого телосложения и обладал, скорее всего, немалой силой. Его костюм также был из коричневой кожи, а на ногах были мягкие плетеные сапоги, наверное, из травы или камышовых листьев. Его спутник ненамного от него отличался, разве что, борода у него была поменьше и выглядел он помоложе.

– Меня зовут Майк и я ищу страну Нибиру.

Мужчины переглянулись между собой и тот, который был помоложе, сказал:

– Это очень странное имя. Никогда такого не слышал. Почему ты убежал от Гомидена? Я сначала не понял вопроса, но потом сообразил:

– Я думал, что дракон меня съест.

Мужчины снова переглянулись, и теперь старший спросил меня:

– Дракон? Ты говоришь Дракон? Но ведь это Гомиден! Почему ты сказал Дракон?

Я пожал плечами. Что мне им ответить? Эти люди даже не представляют себе, откуда я появился.

– Я сказал дракон потому, что в том мире, откуда я пришел, это называют драконом.

– Но ведь Гомиден не похож, на Дракона!

– Мне он очень даже показался похожим на дракона.

Тот, который постарше, изобразил удивление на лице и сказал:

– Гомиден не похож на Дракона. Это ведь и так видно. Это самый обычный Гомиден. Драконы совсем не такие. Ты что, ни разу не видел Драконов?

Я предпочел отрицательно покачать головой. В моем нынешнем положении, спорить с этими людьми было бы большой ошибкой. После моих слов, мужчины странно улыбнулись. Они начали пристально меня рассматривать, а тот, что помоложе, даже дотронулся до меня.

– Ты, правда ни разу не видел Дракона?

– Правда.

– А на чем же тогда летают ваши Нифилимы?

– Я не понимаю, о чем речь. Извините. Если я правильно думаю, то вы спрашиваете меня о том, на чем летают наши Боги?

– Нифилимы.

– Ну да, нифилимы.

– У нас нет нифилимов.

Удивлению мужчин не было предела. Они так и застыли на своих местах, недоверчиво косясь на меня. Старший вышел из оцепенения и осторожно спросил у меня:

– Ты не боишься, что за такие слова тебя могут убить?

– Нет. Почему я должен бояться? У нас и вправду нет нифилимов.

– Но этого не может быть! Кому вы тогда служите?

Я задумался. Кому же мы служим?

– В моем мире на этот вопрос трудно ответить. И мне сложно вам это объяснить. Мы живем совсем по-другому. И у нас нет никаких Гомиденов?

– Нет Гомиденов? – старший растерянно посмотрел в мои глаза. – А кто же тогда охраняет вас?

– Охраняет от кого?

– От всех. От амореев, например.

– Но у нас нет и амореев.

– Нет амореев? А кто же тогда есть?

– Ну... Разные другие люди. А охраняем мы себя сами. У нас есть и полиция, и армия.

– У вас есть армия?!

– Конечно. И оружие у нас хорошее. Поэтому нам не нужны защитники.

– Но ведь самое лучшее оружие у Нифилимов! И только у них есть армия. Нам они никогда не разрешат иметь такое оружие.

– А что это за оружие?

Старший понизил голос и тихонько мне ответил:

– У них есть лучи.

– Лучи?

– Да, лучи. И они могут разрезать нас этими лучами на части.

– А зачем они вас разрезают?

– Как зачем? Они ведь Нифилимы! Наши отцы. И они могут делать с нами все, что захотят.

– Скажите, а могу я поговорить с вашими Нифилимами?

Мужчины снова удивились. Видимо, мои вопросы и ответы ставили их в тупик.

– Ты хочешь поговорить с Нифилимами?

– Хочу.

– Но, зачем? Мы, наоборот, стараемся не показываться им на глаза. Они могут запросто тебя убить. Или заставят тебя рыть землю.

– Рыть землю?

– Конечно. Когда Нибиру еще была, они получше с нами обращались. Мы рыли землю только три месяца в году, а теперь роем каждый день. Много людей умерло от этого. Их почти не кормят и не дают отдыхать. Зачем им теперь золото?..

– Простите меня, но я не понимаю, о чем вы говорите. Вы сказали, что Нибиру была. Ее что, уже нет?

– А ты что, не знаешь и этого?

Я покачал головой.

– Это ведь даже ребенку известно. Нибиру погибла много тысяч лет назад. Нифилимы погибли. Но выжили те, кто был здесь в это время. И они продолжают добывать золото. Раньше все было не так. Но теперь они построили свои города и живут в них. А нас сделали своими рабами. И никто не может ничего исправить. Они непобедимы. И их все боятся.

– А почему вы не попросите их о лучшем обращении с вами?

– Это невозможно. Они наши отцы и им решать, что с нами будет.

– И вы вот так терпите?

– Они наши отцы.

Я понял, что на эту тему лучше больше не разговаривать. Эти люди смирились со своей участью и другой жизни не знают.

– А кто такие амореи?

– Амореи? Это воры и убийцы. Но они не подчиняются даже Нифилимам. Они сами по себе.

– Но ведь и амореи были созданы Нифилимами?
– Да, но непонятно для чего.
– А почему Нифилимы не подчинят себе амореев?
– Не знаю. Может потому, что амореи кочевники и не сидят на одном месте. А мы – мирные земледельцы и рыбаки. Нам разрешают заводить скот и держать Гомиденов.
– И много у вас этих Гомиденов?
– По одному на деревню. Наш еще молодой. Ему чуть больше трехсот лет.
– Триста лет?!

– Да. Но они живут до тысячи. Некоторым удается даже больше прожить, но это редкость.

– Позвольте, но я только что видел, что он съел большого буйвола.
– Да, съел. Но он ест очень редко. Ему ведь нужно что-нибудь есть.
– Редко ест?
– Ну, да. Один раз в неделю, а бывает и реже.
– А как же он тогда летает? Откуда у него силы берутся?
– Он всегда сильный.

Я многого не мог понять. Этот мир противоречил моим представлениям. Здесь все было по-другому. Я всегда думал, что чем больше съешь, тем сильнее будешь. А сейчас я видел, что это необязательно.

– Скажите, а кто такие Драконы?
– Драконы очень старые. Нифилимы привезли их с Нибиру. Они слушаются только своих хозяев. Они летают быстрее Гомиденов и больше их. И они могут дышать огнем.
– Но мне показалось, что ваш Гомиден тоже дышит огнем.
– Нет. Гомиден только делает горячий пар и все. Он не может дышать огнем. У Дракона три головы и он постоянно голодный. Он намного сильнее Гомидена и ест людей.

– Ест людей?
– Да. Драконам отдают умерших под землей людей, и они их пожирают, а Гомидены не трогают людей. Убить человека Гомиден может, но есть не станет. Мы им не разрешаем.
– Не разрешаете? А почему они вас слушаются?
– А как может быть иначе? Они ведь нам служат. Без нас они погибнут. Кому они будут нужны?

– Вы говорите, что Гомиден охраняет вас от амореев. Они, что, нападают на вас?
– Постоянно. Они воруют наших женщин и угоняют наш скот. Иногда они убивают нас.
– Зачем?
– Все дело в Колдуне.
– В Колдуне?
– Да. Его зовут Амореи. Он колдует на крови и держит своих слуг в страхе. Для него они разоряют наши земли и убивают. И он ищет книгу. Если он ее найдет, то сможет победить Нифилимов и тогда нам будет еще хуже.

Я не верил своим ушам. Эти люди говорили о книге. Неужели, о той самой?! Но я не спешил ничего им рассказывать, а решил сам расспросить кое о чем.

– А что это за книга?
– Это Носитель Силы Нифилима. Он – все. Это то, что было, есть и будет. В нем заключены все тайны Нибиру. Он может все. Но, Нифилимы потеряли ее и теперь обречены на медленное угасание своей расы. Без Силы им не возродиться и они тоже ищут книгу. Но никто не знает, где она.

– А как она пропала?
– Была Великая Битва Нифилимов, которая длилась тысячу лет. Вся земля горела и дымилась и люди были вынуждены прятаться в норах, как черви. Когда Нибиру погибла,

Нифилимы стали воевать между собой за власть на Земле. Именно книга давала такую власть. Один из Главных Нифилимов взял книгу и спрятал ее в Мирах, чтобы окончить войну. С его смертью тайна исчезновения книги осталась неразгаданной.

– Вы говорите в Мирах?

– Да. В других мирах. Их много, но только Сила может перенести кого угодно в Миры.

Было удивительным то, что люди, живущие на уровне чуть выше первобытного строя, были осведомлены о наличии параллельных миров. И самое интересное было в том, что они действительно существовали.

– Скажите, пожалуйста, а что за место находится за тем холмом. Я видел там большие камни и круглую площадку?

– Это ворота в Нибиру. Их много.

– Ворота?

– Да. Но они уже не нужны. Нибиру погибла и ворота теперь поросли травой. А как ты попал сюда?

Я напрягся. Срочно нужно было что-нибудь сказать в ответ, но о книге говорить было опасно.

– В моем мире есть такие устройства, которые помогли мне попасть в ваш мир.

– Устройства? – мужчины непонимающе переспросили меня. – А мы думали, что только Сила Нифилима может такое.

– Нет, не только. В моем мире любой человек может свободно попасть в любой мир.

– А зачем?

– Ну, например, чтобы узнать, как живут другие люди.

– У нас тебе не понравится. Ты увидишь только смерть или ее ожидание. Если можешь, то беги отсюда, пока не поздно.

– Не могу. Мне нужно найти своих друзей. Их трое. Вы их не видели?

– Нет. Но можно спросить в других деревнях.

– А они далеко?

– Нет. Ближайшая, всего в трех днях пути.

– В трех днях?! Это же очень далеко. У вас есть лошади?

– Лошади у нас есть, но нам запрещают на них выезжать за пределы деревни. Только поблизости.

– А если полететь на Гомидене?

– Ты что?! На Гомидене летать нельзя! Если об этом узнают Нифилимы, то Гомидена заберут навсегда. И больше никогда не разрешат его держать.

– Так что же делать?

– Мы покажем тебе дорогу, и ты пойдешь сам.

– Сам?

– Конечно. Нам запрещают выходить за пределы деревни по несколько человек сразу. Только по одному.

– Почему?

– Не знаю. Но так хотят Нифилимы.

– Вам почти ничего не разрешают...

– Но нам разрешают ловить рыбу и держать скот.

– И чего это вам стоит?

– Один раз в год мы отдаем троих мужчин и одну женщину Нифилимам. Они попадают под землю и работают там до самой смерти, а потом их съедают Драконы.

– Они добывают золото?

– Да.

– А зачем Нифилимам золото?

- Не знаю. Но так было всегда.
 - И много там работает людей?
 - Много. Очень много.
 - А сколько всего Нифилимов?
 - Несколько тысяч, но точно не известно. Раньше их было больше, но они постепенно умирают.
 - А сколько они живут?
 - Некоторые по три тысячи лет, но большинство по две – две с половиной.
 - А новые Нифилимы рождаются?
 - Сейчас очень редко. Без Силы их раса все равно вымрет, но раньше можем вымереть мы. Нифилимы сделают все, чтобы выжить за наш счет.
 - Почему вы не объединитесь с амореями?
 - Это невозможно. Они кочевники и никогда не сидят подолгу на одном месте, а мы живем оседлой жизнью. Кроме того, их Колдун хочет абсолютной власти и нам с ним легче не будет.
 - Понятно. А какие трудности меня могут ожидать в пути?
 - Многие. Но самое страшное – это беглый Дракон.
 - Как это понять?
 - Беглые Драконы – это одиночки. Они разбежались во все стороны еще тогда, когда их привезли с Нибиру и расплодились. Нифилимы не всех Драконов смогли отловить, и теперь они постоянно нам угрожают. Иногда даже в деревню залетают и поедают наших буйволов. Убить такого Дракона практически невозможно. Но они подчиняются заклинаниям, которые знают только Нифилимы. Поэтому Нифилимы их не боятся, и они им не мешают. А мы постоянно страдаем от их налетов. Гомиден не может справиться с Драконом, если тот дышит огнем.
 - А что есть такие, кто не дышит огнем?
 - Есть и такие. Они самые старые и у них мало осталось сил, но и в таком виде они опасны. Даже если удастся его смертельно ранить, он еще долго сопротивляется и успевает наделать много бед. Ведь у него три головы, а это втрое опасно. Но у него есть и одно слабое место.
 - Какое?
 - Драконы не любят яркого света. Им больше по душе вечер или ночь, в крайнем случае, пасмурный день. Поэтому, если на небе яркое солнце, мы знаем, что в это время Дракон не прилетит.
 - Вы говорили, что Нифилимы летают на Драконах. Значит ли это, что днем их тоже трудно встретить?
 - Нет. Я говорил только о Драконах – одиночках. А Нифилимы одевают на головы своих Драконов специальные шлемы, которые не пропускают солнечный свет.
 - А как же они летают вслепую?
 - Они все видят, только плохо. Зато у них отличный нюх. Поэтому тебе нужно обмазаться речной грязью, чтобы он тебя не унюхал. Но, если ты будешь неподвижно стоять, то Дракон тебя может и не заметить.
 - Но, хоть какое-нибудь оружие у вас есть?
 - Нам запрещают иметь оружие, но ты можешь взять хлыст для буйволов и выломать большую палку.
 - Как – же я буду драться с Драконом палкой? Это же смешно.
- Мужчина вздохнул и ответил:

– Ничего большего я тебе предложить не смогу. Советую полагаться на свои ноги и собственную осторожность. Только так ты сможешь выжить. Мы так живем постоянно. А теперь пошли в деревню. Ты, наверное, хочешь есть?

Я кивнул ему в ответ, и мы направились по направлению к шалашам.

Деревня состояла примерно из пятидесяти одинаковых шалашей, которые отличались только временем постройки. Почему люди здесь так бедно живут? Неужели, им и нормальные дома строить запрещают? Наверное, так и есть. Я проходил между этих убогих жилищ и видел, в какой нищете приходится проводить всю свою жизнь этим несчастным. Каждый шалаш кишел противными насекомыми, которые, должно быть, ночами не давали спать этим людям. Крыши шалашей зияли большими дырами, которые слабо защищали от дождя, а на полу вместо теплой подстилки валялись охапки полусгнившей травы. Лишь некоторые хибарки были обмазаны глиной, а в основном, это были продуваемые всеми ветрами халабуды. Хотя климат здесь был мягким, а днем и вообще было жарко, я не думал о том, что здесь все время так хорошо и уютно. Посреди деревни находилась широкая вонючая, лужа, в которой сидели голые дети и обливались водой. Рой комаров кружился над ними и пронзительно жужжал. Тощая собака лежала в тени большого глиняного кувшина и грустно на меня смотрела, даже не надеясь на вкусную подачку. Видимо, ей приходилось есть еще реже, чем Гомидену. Воздух в деревне пропах навозом, и это было просто невыносимым. Сточная канава, прорытая прямо через всю деревню, содержала в себе всяческие нечистоты и не добавляла хорошего впечатления от увиденного мной до этого. Большинство людей, даже не обращало на меня внимания. Они были настолько забиты и утомлены своим существованием, что их уже ничего не интересовало. Повсюду я наблюдал ноги, торчащие из шалашей, и слышал храп. Люди целыми днями просто спали. Их буйволы самостоятельно паслись по близости, и все текло своим чередом. Лишь немногие из них были заняты полезным делом. Одни ловили рыбу, другие следили за скотом. Женщины, при моем приближении, вообще старались быстро спрятаться, чтобы я их не увидел. Через несколько минут меня подвели к одному из шалашей и предложили в него зайти. Мне очень не хотелось этого делать, но нарушать законы гостеприимства я не стал. Внутри царил полумрак, и пахло чем-то кислым. Скучная глиняная утварь валялась на полу. Я уселся на кучу сухой травы и принялся ждать угощения. Мои спутники присели рядом и я сделал вывод, что это были отец и сын. Уж очень они были похожи друг на друга. Через минуту пришла пожилая женщина и принесла кувшин с молоком, а также черствую лепешку непонятного происхождения. Мне ничего не оставалось, как попробовать все это на вкус. Лепешка, и в самом деле, была не первой свежести, а вот молоко показалось мне довольно вкусным. Молча перекусив, я обратил внимание на свои обожженные солнцем руки. Они были ярко – красными и горели огнем. Перехватив мой взгляд, женщина вышла наружу и вскоре принесла какие-то лопухи, которые прилепила на мою кожу. Я почувствовал приятный холодок на руках и решил пока не выбрасывать эти чудодейственные растения. Так было легче. Теперь можно было подумать о дальнейших действиях. Есть – ли у меня шансы найти Стена, Свенсена и мистера Лири? Может они, вообще, остались в Чикаго?

Вполне вероятно. А может быть, они в каком-нибудь третьем мире и тогда мне придется остаться здесь навсегда. Об этом и думать было страшно. Этот мир пока мне совершенно не нравился. Здесь меня могли в любой момент съесть или я рисковал сгореть на солнце, или мог подцепить какую-нибудь инфекцию, от которой у меня нет никаких лекарств. Я буду вынужден в одиночку идти, не зная куда, без всякой надежды на благополучный исход. Но и сидеть без дела я не хотел. Оставаться в этой деревне на ночь нет смысла. Чем быстрее я начну что-то предпринимать, тем выше возможность разыскать своих друзей. А вдруг они где-то рядом?

Я повернулся к старшему мужчине и спросил у него:

– Могу ли я знать ваше имя?

– Меня зовут Кемельдеш, а это мой сын Мельдеш.

– Скажите, Кемельдеш, где ближайшие ворота в Нибиру, кроме этих, что рядом?

– Ближайшие ворота находятся как раз возле деревни, куда ты пойдешь. Возле каждой деревни есть ворота. Нас специально поселили возле ворот, чтобы мы встречали Нифилимов с Нибиру и поддерживали площадку в чистоте, но теперь этим никто не занимается.

– А люди из той деревни не прогонят меня?

– Не прогонят. Скажешь мое имя, и они тебе помогут. Но я должен тебе рассказать еще кое о чем.

– О чем?

– Когда наша степь закончится, начнется Старый Лес, в котором живут Нелюди.

– А кто это?

– Это первые дети Нифилимов, которые у них не получились. Они полулюди – полужвери. Мы появились позже, а сначала Нифилимы пытались приручить этих тварей. Но они оказались слишком прожорливы и тупы, чтобы быть полезными. Нифилимы их частично уничтожили, а другая их часть сбежала в леса, где живет и по сей день. Они роют норы и живут в них, вылезая только чтобы чем-нибудь поживиться. Даже амореи обходят эти места стороной, а Драконы им в лесу не угроза. Дракону нужно открытое пространство, а летать между деревьев они не могут.

– А нельзя ли обойти этот лес вокруг?

– Нет. Во-первых, он очень большой, а во-вторых, соваться на территорию амореев все равно, что идти на смерть.

– Но что же делать? Днем идти опасно потому, что можно нарваться на Нелюдей, а ночью – на беглого Дракона.

– Ничего сделать нельзя. Нифилимы намеренно ничего с этим не делают, чтобы лишить нас возможности объединиться. Мы живем маленькими группами на большом пространстве среди всех этих ужасов и не видим никакого выхода. Я сам только несколько раз выходил из деревни. И дважды чуть не лишился жизни. С тех пор я отсюда ни ногой. Мой сын, вообще, еще ни разу отсюда не выходил. Какой смысл рисковать? Хорошо, что его до сих пор не забрали рыть землю, а ведь могут сделать это в следующем году.

– К вам прилетают Нифилимы?

– Да. И довольно часто. Они ведут учет людей и если им кто-то нужен, забирают его с собой. Кроме того, мы выращиваем для них буйволов.

– Разве это не ваш скот?

– Наш, но большую половину приходится отдавать. Нифилимы едят втрое больше нашего, а сами ничего делать не хотят. Но ведь это они нас создали и научили всему, что мы умеем.

– Это так, но они вас создали для рабства. Для того, чтобы самим не работать. Как вы это все терпите?

– Но, ведь нас для работы и создали...

– Правда. Но зачем создавать такие невыносимые условия? Ведь вам все запрещают.

– Потому, что они наши отцы.

Похоже, у Кемельдеша на все был один ответ. Ему это вдолбили с самого детства, и теперь он по-другому думать не мог. Но есть ли в нем хоть капля гордости?

– А если кто-нибудь поможет вам освободиться от Нифилимов, вы пойдете на это?

Мужчина тоскливо посмотрел на меня и в его глазах я прочитал немой ответ. Он даже и мысли не допускает о том, что как-то можно свергнуть тиранию Нифилимов. Для него это было очевидным. Тысячелетиями люди подвергались издевательствам над собой и убили в себе веру в свободу. Они воспринимали очевидное, как должное, и другого не знали.

– Без книги это невозможно. Нифилимы очень сильны, а мы очень слабы.

– Но если вдруг книга все-таки найдется? – осторожно спросил я.

– Тогда другое дело. Но где нам ее взять? Она навеки спрятана в Мирах.

Я выдержал короткую паузу, раздумывая, а затем тихо прошептал:

– Я знаю, где она.

Мужчина недоверчиво посмотрел на меня и сказал:

– Если это правда, тогда я согласен на войну с Нифилимами. Вот только я тебе не верю.

– Я говорю правду. Именно при помощи книги я оказался здесь. Другого способа нет.

Кемельдеш и его сын подсели ко мне поближе, и я продолжил:

– Книга у моих друзей. Но я не знаю, где они. Они могут быть в этом мире, а могут быть и в другом. Если я их найду, то обещаю, что помогу вам. Но и вы помогите мне. Я думаю, что если я попал сюда через ворота в Нибиру, то и мои друзья могут попасть сюда так же.

Кемельдеш задумался и сказал:

– Если Нифилимы узнают, что кто-то помогает тебе, то уничтожат всю деревню, а нас скормят своим Драконам, но я помогу тебе. С тобой пойдет мой сын Мельдеш. Он уже сталкивался с Драконами и знает, как от них спрятаться. Кроме того, я найду для тебя оружие. Но никому здесь его не показывай. Один раз я убил аморея, который ночью напал на моих буйволов. Я ударил его камнем, и он свалился замертво. Возле реки у меня есть тайник, в котором я спрятал все его оружие. Думаю, оно вам пригодится. Но знай, если тебя поймают, и ты назовешь мое имя, то обречешь на гибель всех людей, живущих в этой деревне. Нифилимы такого не прощают.

– Клянусь, я не выдам тебя.

– Тогда дождемся ночи и пойдем к реке.

Глава 7

Все время до темноты я пролежал в шалаше у Кемельдеша. Обожженное солнцем тело ныло, и я не мог найти себе места. Меня никто не беспокоил и я даже на один час смог уснуть. Если бы не мухи, постоянно садившиеся на мое лицо, я смог бы назвать свой сон спокойным. Удивительная тишина в деревне, где живут две сотни людей. Может, им и шуметь запрещают? Наконец, начало смеркаться и я, никого не дождавшись, сам вышел наружу. Пройдя в начало деревни, я увидел, что Кемельдеш со своим сыном гонят скот поближе к шалашам. Раздавался треск кнута и испуганные буйволы, мыча, бежали туда, куда их направляли. Все это выполнялось очень поспешно, и даже мне было понятно, что случилось нечто, заставившее людей так действовать. Когда Кемельдеш меня увидел, то махнул мне рукой, чтобы я вернулся туда, откуда пришел. Но я его не послушал. Мне не терпелось узнать, в чем же дело. И скоро мое любопытство было удовлетворено. Высоко в небе я различил силуэт огромного ящера, который стремительно приближался к деревне, шевеля тремя своими шеями в разные стороны. Его туловище было абсолютно черным и переливалось в свете заката. Это было захватывающее зрелище, но в то же время и дикое. Огромная машина для убийства, которая передвигалась со скоростью, несвойственной своим размерам. Даже громадный Гомиден теперь казался мне добрым псом по сравнению с этим. Дракон выписывал в небе немыслимые пируэты и продолжал приближаться. Его внимание было сосредоточено на бегущем стаде. Люди старались согнать животных в одну кучу, чтобы сбить хищника с толку, но у них это слабо получалось. Испуганные буйволы метались в разные стороны и никак не хотели собираться вместе. Кемельдеш отчаянно размахивал кнутом и хлестал бедных животных по спинам. В это время дракон опустился совсем низко и завис над парой беззащитных телят, которые не знали, что им делать и обреченно стояли на месте. Кемельдеш сложил пальцы и пронзительно свистнул. Позади себя я услышал рычание и, обернувшись, увидел Гомидена, набирающего высоту. Как он собирается сражаться с Драконом? Он ведь почти в два раза меньше. Но Гомиден отважно сблизился с Драконом и ударил его хвостом в бок. От этого удара Дракон потерял равновесие и упал вниз. Но его замешательство продолжалось не более секунды. Когда он встал на лапы, то громогласно зарычал и, подняв вверх крылья, дунул в сторону Гомидена потоком ослепительного пламени, от которого начала дымиться трава. Даже издали я мог себе представить, что за пекло являл собой этот огонь. Гомиден сумел увернуться, но пламя все равно коснулось его крыла, и он завизжал от боли. От этого звука у меня зазвенело в ушах. Дракон тем временем схватил двумя своими головами по теленку и взмыл вверх. Гомиден уже не мог ничего поделать. Он сидел на холме илизывал свою рану. Если бы не его смелый поступок, то жертв могло быть и больше. Я стоял с раскрытым ртом и не мог опомниться. Все произошло за какие-то секунды. Мгновенная атака и быстрое отступление. Теперь я начал полностью осознавать жестокие подробности из жизни этих людей. Они каждую минуту рисковали собой, и своим имуществом и от этого у них выработалось равнодушие к самим себе. Эти два теленка могли бы прокормить собой сотню человек, а если бы выросли во взрослых буйволов, то и всю деревню, а так они достались какому-то Дракону, который снова и снова будет прилетать и угрожать их спокойствию. Но сегодня опасность была позади и я наблюдал как стадо вновь разбредается по степи, и как ни в чем ни бывало, жует сочную траву. Кемельдеш подошел ко мне и с усталым видом спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.